

СМЕНА

№ 5

Май
1934

Изд-во ЦКВКП/С/ "ПРАВДА"

В Алту-на отдрех!

Фотоэпюд И. Шагина

Картина худ. Еп. Родовой — Отнятие земли в комсомольской шахте № 12 (площадь Свердлова).

На метро свыше года работает бригада художников в составе Лиды Литвиненко, Надежды Голубец, Елены Родовой и М. Райкова. Работы бригады представлены на выставке «Наши достижения» и в Музее краеведения.

СМЕНА

Литературно-художественный,
общественно-политический
и бытовой журнал рабочей молодежи

Орган ЦК и МК ВЛКСМ
Искусство вып(с), «Правда»

№ 5

1 9 3 4

11-й год издания

Адрес: Москва, Центр, Малый Чернышевский пер., д. 1.
Тел. 2-89-28

НОВАЯ КАРТИНА ХУД. А. ГЕРАСИМОВА

Художник А. Герасимов у своей картины:

Товарищ Сталин делает отчетный доклад XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б)

СО Д Е Р Ж А Н И Е

РАССКАЗЫ И ОЧЕРКИ

Ив. Развалов — Горючие петлевы	4
И. Атаров — Бельгийский Шмидт	6
С. Виноградская и С. Лям — Стиль Степашева	8
Д. Лебедев — Поэдинок с Арктикой	10
Евг. Крингер — Событие грануло	12
А. Верилаский — Смотри молодежь даре- вший	14
Г. Лев — Мы освоим культуру	16
В. Клавин — Да, нам нужна вежливость!	17
М. Долганов — Веселые ребята	20
П. Никольков — Культура теплица	24
И. Аренберг — «Караповы ребята»	26

СТИХИ

Евг. Долматовский — Телефон	15
Ик. Ухсай — Детство (перевод с чуваш- ского П. Железнова)	16
М. Фейервич — Люблю	19
П. Павличко — Мой товарищ	19
Еж. Холина — Кузла Каледина	19
ХУДОЖНИКИ НА СТРОИТЕЛЬСТВЕ МЕТРО	
Картина худ. Е. Родовой	2
НАШИ ЛЮБИМЫЕ СПЕКТАКЛИ	
Е. Браудо — Опера «Карьера»	18

НАУЧНЫЕ ОЧЕРКИ

М. Панаева — Исправление природы	22
--	----

ТВОРЧЕСКИЙ СМОТР МОЛОДЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

С. Карамелево — Евгений Долматовский	25
--	----

РИСУНКИ

Л. Бродяги	ФОТО
И. Шагина, из архива М. Соколовой, Евг. Лен- берг и Сокофого.	

ГОЛУБЫЕ ПЕТЛЫ

Рассказ

1

Андрей Клиников ехал в отпуск. Он молча лежал на верхней полке и смотрел на проносящуюся мимо землю, где пригибалась от ветра трава. На пробы мотора, от стужи прощелсера, она так же гнетась и трещала.

Садомо за поездом, крепяся и лова крылом воздушную струю, летит воронья. Андрей исконно переносился в воронья. Вот он матюк и вместе с тем резко пошла вниз. «Набирает скорость за счет инерции, сейчас развернется», — удивлялся Андрей — и воронья тотчас же развернулась в полуворонья.

Понимать что-нибудь — это получать удивительную радость. Впервые это чувство Андрей испытал в школе, когда одолевая букварь. Голые буквы вдруг прояснились и заговорили; это было удивительно; расширил ленточку и не слодя с места, бродит по свету. Второе раз, в городо отъез, он ощутил это на уроке алгебры: цифры и знаки имели душу. И третий — в школе летчиков, где он учился. Не на первом, не на втором, а лишь на сто одиннадцатом полете машина отключилась перед ним, и он обрел сердце летчика.

Андрей приехал на рассвете. Горизонт кутался в ядовитую пелену угольной пыли. Затхлая трава вымалась от стыбы. Битер рвал волосами черной дыра на шубо асааждо в ивине зимического зима. Серый, безрадостный пейзаж, однако, радовал Андрея так, словно он попал на морское побережье.

Разноголосо пела гудия, вызывая в памяти образы юности; он знал мануэтуе вздымаю из вих: густой, басовитый, с захлобом — шалта ПГУ, двуглазое симпатичная сиреня — хмавадо, выской пастушеской свирелью протяжно пропела шалта «Козомола». Но этим гудам он в детстве прослышался вместе с отцом.

По улицам уже шагала, спешивая на работу шатеры.

Вот и малае, ошарашенные непогодой воротца.

Андрей вошел в квартиру и, согнувшись, авалася в крошечные сии.

Земляной пол, полый водой и уже подметенный, дышла утренней свежестию, на плите трещала крышная чубатый чайничек. В соседней комнате задымилась кипка ковода (по сирену Андрей отсудался, что кипка — кипилый, с белым), а мать, протривомаца, худенькая, обвешенная, асбестивая, бросала к нему на грудь. Подглядывая, он по слине ладонью, Андрей осторожно поставла чемадан на пол.

— Здорово, батяля! — приветствовал он отца через голову матери.

— И куда тебя, дьявола, выдало так? — смеялся серыми глазами отец. — Довольно тебе, старуха, а то и шее служивому надоминше, собирай-ка на

стаю. Пусть-ка нашего, шахтерского попробует. Небось, отмаж?

— Андрей, — змурясь от счастья, мать по-детски принималась к широкой груди сына и, смехнув конном передника слезу, полемала в судуку за саадром.

— Гляди, гляди, — ухмыля подмигнула отец — как асродланми изурасалась...

Крышка судука, оклеенная изнутри вырезками из газет и журналов, напоминала стеновую газету.

— А где же Ольга?
— Олашка? — Должна уж прийти. Студенты-практиканты яично ночью на прохове работают, потужуяют утало.

И вот Андрей онитя в родной побеленной ком-

...По-детски принималась к широкой груди сына.

натурине, с тем же столом и знакомым скрипом стульев. Даже не верится, что он летал на самолете, держась за ручку и поднимался за облака. Он все тот же маленький Андрей, который становился на ступи, чтобы раскатыть на комоде ножики. А теперь комод еле-еле достает до его груди. После простора школьной казармы комната является маленькой.

— А к Ольшине прятывают один светятся, — докладывает мать, — сланный такой, на Харюнова.

— Какое там святство, ей учиться надо! Мать глянула в окно:

— Идет Ольга!

Андрей оставил сестру подростком, в пионерском галстуке, а в дворе вошла высокая, широко сложенная девушка, белокурая, с такими же как и у брата широко расставленными смелыми глазами.

— Здравствуй, Андрей!

— Тет-те, с таким ростом тебя и в Дирнаб-астрей заберут.

— Как же я там буду работать? — поощенная, заергала ружнейем сестра.

— А пречальной маткой...

— Несерьезный ты, Андрей: какой узла, такой и приехал.

— Говоря мне, а сама?

— Что сама?

— Конечно обязалась... Ты, Ольга, оставь. В твоих годах, ей, как интересно поклонников иметь...

А жальте, знаешь, к авиации мало приспособилась.

Крош удачала ей в лице. Она укрепенно глянула на мать. Мать не знала, что в переписке с братом Ольга в каждом письме сообщала о своем сокровенном желании — поступить в школу гражданских авиации. Андрей послал ей книги, описывала подробно бегт школы, делалась перекриванями и советова больше заниматься спортом, чтобы подготовить организм к будущей профессии. Она точно выполняла все советы. Но ее инстинктивно на ставке отсороми водную станцию и заплескала четыре лодке. У местного фотографа в витрине красовалась портрет улыбающейся девушки в летном кожаном плаще. Это она ее лортрет. И вдруг тот, кем она гордилась перед подружками, кому завидовала, у кого училась, — Андрей — встречает ее с порога выговором... Слезам навандивалась в углах глаза. Она поспешно подошла к рукояничку и молча начала умываться, вместе с водой прихвтывала и кашпоидные слезы. Из слышном тучно Андрей занес ей уда...

II

Примарение состоялось вечером, под выходной. Нарядились в юные туфли, розовая от гордости, в светлом прокладном пиджике, обгивививаясь ее почти мальчишескою фигуро, Ольга повела гостя к своим друзьям. Ей нравилась, что у брата голубые, ее любимые цвета, петлячки. Андрей, хотя еще школы и не кончила, чувствовала себя старой, выдвинувшим видом летчиком.

Бойца в комнату, он, осмелевший, остановился на пороге: ни одного ладика — один девушк! Девять — двенадцать — он сразу не смог сосчитать. Благодични, бронтисат, шатенки — в синих, розовых, белых, черных платьях...

— Да у нас тут целая каравала! — нерешительно остановилась Андрей — А где же ребята?

— Ребята там же злулки, хватит и одного.

— И какие вино? Что же так мало — три бутылки?

— А разве вы лете?

— Летчим поляны. Но за компанию рюмочку, полдуй, и можно. Как болыному...

От двух рюмок сразу закружилась голова, поналялась легкость. Девушки поддерживали лубо

Андрей бродил по улицам городка.

штuku. В гомони веселья Андрей услышал за спиной сверляющий спор стрелы и хохотанья дома.

— Иду,— услышала штеферовна дочка, накручивая со свистом пружинки граммофона. — Только не ту, только не эту,— указала Ольга,— знаешь, как не им отравится... Неกล้า ступить детушка такую пастинку...

— Что за спор?— спросил Андрей. — И достала авиационную пастинку, а Ольга боится...

— Авиационную?... Заслушайте немедленно! — Делушка как по уговору охотилась Андрей.

— Продолжайте!— пастинка старая. Труба зашумела, будто в ней жарился на масле колбаска, и встревоженный тон полуозло доложил:

— В самый разгар праздника русской авиации, в Петербург, во время состязания на рекорд высоты, вырвался отважный летчик, капитан Мацисевича, вдруг накронился как рванная пята, и авиатор, потеряв равновесие, упал вниз с высоты более пятисот метров.

«Холодные обильные заман приняла уже труба горла, погубившего по славу нашего воздушного флота, высшего облетного дела. Да будет тебе земля так летца, как была легка поднебесная высь!...» — в этом месте голос артиста подскочил до трагической высоты и вознес от подступивших искусственных рыданий. Грустная, адова мелодия струнных, поддерживаемая под руки сдержанными басами фортепиано, вылила из трубы:

— «Его уж нет, какой кончик певальщика!... Как мыслась была от смеюти даека...»

А между тем уж факел поребральный Ему заглагла алой судбы роука...

Опять возлея музыка, сладкая, словно спускавшаяся с неба:

— Как ястреб, как орел парил в высих тых обоев,

Бестроению рассекла об облаках туман... И за воздушный флот и за святое дело Погиб теперь отчаянный человек...

Артист плавно и разрывалась тонким колготочкам подготовленных рыданий, что Андрей не выдержал и, обхватив руками голову, упал на стол, плача его дрожаки.

— «Спокойна ты ты мой. Прости, горюй!» — Делушка вспомнившись, хозяйка авторемонда пастинку.

— Андрей, что с вами? Андрей, не волнуйтесь уже все!

Ольга неслась целовать брата в голову, штеферовна дочка живоноста скалдывала в воробочку вокала.

— Довольно уже, не надо так расстраиваться... Плен Андрей вздрогивая (сначала от смеха, а потом от поворота от движения парочко, чтобы поглотить летца). Маленькая блондиночка с истерическим восточным жестом в свисающих рамках из выжаренной и испачканной Андрей отдалает от стола и расхоластало во всю пасть.

— Вым, вода зайте с ним истерика!

— Ну и чуятели!... Неужели вы думаете, что такая блондинка может повести летца как? Плюнуть вы мне мнения о современных комедирах...

— Да, но разве можно смеяться над смертью? — Над смертью— не знаю, а над такой пастинкой— сколько угодно.

Весь в приходе Климова уже облетавая весь послок. В клубе Андрей ожидал сюрприза: пере-

начало спектакля артисты устроили летучее собрание и летчика выбрала в президиум. Он поднялся на сцену, смущенный, но за стол уселся с достоинством.

В продолжение простоя сцены из зала ступилась толпа за дамкой Андрей увидел расквашенные пятна лиц передних рядов.

Открыл собрание сегодешнее встало с одождным, удивительным румянцем словно бы полдеревенских щек. Он говорил совсем как гость, как обыкновенно выступил ораторы, а прот, сжато и остроумно.

Из зала хором, ругая слова на слота, прокричали:

— Да-шш Канин-ко-ва! Андрей подошел к амбоне.

— Рассказывай!— подступил к амбоне.

Им, всего жизни проводившим под звездой, было интересно видеть всякую, самую пустую мелочь, которая касалась летящих по-птичьим людям. Никогда прежде не был посланец сцене. Кто эти люди, что сидят в кабине самолета? О чем они думают? Испытывают ли страх? Кружится ли у них голова, холодно ли наверху? Кто это иероглифы авиатора. И вот перед нами— такой смелый и уже сгустивший лименной выволтой неслышательности Андрей, комсомолец, летчик. Тут уж не до спектакля... Многие из зрителей помнили Андрея еще босоногим парашютистом. Зала отшамкала в притик, приоткрывшиеся салюты.

В Краковую кромку берут самых здоровых. Из этих самых здоровых, если их поставят в ряд, примерно, одного из ста отбирают в авиацию. И уже из этих, отобранных, во время учебы тоже отпадают по непереносимости. Большая часть летчиков отпадает по нездоровости. Большая часть летчиков, слаба, слух и, самое главное, нервы. Я не говорю уже о классовой работе. У нас в школе девять три процента кураторов— комсомольцев, половина из них члены партии. Когда же отобрано, то пошла учиться в стерию, там, invece сказать, в теоретическую школу, где мы проходили военные науки, строевую службу, а также и теорию авиации. Летчику много нужно знаний, авиационная учеба по приборам определяет силу и скорость ветра, высоту, местонахождение самолета, расстояние. Нужно знать метеорологию и типы облаков, особенности, чужие или дождевые облака, очень легко разбираться в географических картах, уметь стрелять: если на земле человек легко прицеливается в неподвижную мишень и в то же время полагает, то как трудно попасть с самолета, когда он летит со скоростью, в четыре раза превышающей быстроту скорости позадков.

В кабине летчика— порядочное хозяйство: альтиметр, показывающий высоту, указатель скорости, указатель, указатель поворотов, компас, часы, барометр, указатель топлива, тахометр, показывающий скорость вращения винта, манометр: масляный, бензиновый; аэротермометр: масляный и водяной; бензинометр, показывающий количество бензина; приборы, измеряющие температуру воздуха; приборы, измеряющие скорость ветра и угловой скорости, ветротеч, циркуля, линейка. А ориентировка по земле и разные метеорологические предостережения: снег, туман? Конечно, если предостережения, то указатель действительно много, но вообще наблюдение за приборами возводит в привычку и у опытного летчика за требует особого напряжения: вырабатывается автоматизм. Это и во всякой работе. Авица и деломом они не овладеет этим. Но думаю, в грязь лицом не ударю.

— Дорин пастинкуую марку!— патристически подогрелась из зала.

Авиация делится на тяжелую, истребительную, разведывательную и штурмовую. Разведывательная объясняется уже самим названием: самолеты идут в разведку, в тыл и неприятелю. Летчик-разведчик должен быть выносливым, терпеливым и спокойным; он летит преимущественно на большой высоте, где холодно и где разреженная атмосфера. Истребитель защищает страну от неприятельских авиации: он ведет воздушный бой. Летчик-штурмовик смел, вынослив, сообразителен, верен, отважен и находчив. Тяжелые бомбардировщики имеют экипаж от шести человек и больше. Это воздушные боеносцы.

Штурмовики летают над самой землей. Их трудно увидеть. Если на высоте слетать мотор, то можно еще спланировать или выпрыгнуть из

парашюте, а штурмовик, который летит над лесом и болотами, деваться некуда— и парашюта не успеет открыться: он идет так называемым бродячим полетом: три—четыре метра над землей. Тут все надежда на мотор. А мотор делал рабочий.

Поэтому от рабочих требуется тщательность в выработке самых пустяковых деталей, на них лежит ответственность за человеческую жизнь.

— Как видите, труд летчика прост и суров. И тут мне бы хотелось выступить против обывательских взглядов на летчиков. Установили взгляды, что летчик— это какой-то неслышим человек. Повозчера мне пришлось быть в гостях, где и слышали старую граммофонную пастинку. Какой-то страдалец докладывал, что авиатор разбился из-за того, что авиатор летал равномерно. Чувству! Летчик гибнет как истребитель, матерьяльной застрахован или из-за плохой подготовки и пилоту. Мы с вами боремся, а он укрывает смерть мелочом мелодекларации!

— Наши летчики криво связаны с землей, со своим классом. Из авиации слетит комсомолец. Вы можете быть уверены, что при случае мы сможем крепко дать врагу по зубам!

Андрей вышел да куансы, где его ожидала с подружкой Ольга. Она смотрела на брата с детскою восторженностью.

— Хорошо сказав, Андрей,— заметила она, породистому оправдала завернувшиеся воротничок гимнастера.

— Подем, уже настало!

Они вошли в доу. Тут только он пришел в себя и успокоился. Заиграла музыка, и несные звуки полнили как истинные струи на ветвях. Густым туманом повалил изворотливый застрел на музыку и мягкой торжественностью раздвинула

От хорашей жизни не поленившись...

ся сиял заново, откровенная пережаривала дологое городка.

Уселся Климов с радостным опущением, что в родном поселке авиатор и комсомолец интересуется его судьбой.

Профессия летчика очень уютна в личном быту.

— Не успел Андрей помянуть на лоуку комедан, как тут же из слуховой комнаты голос спросил:

— Вы летчик? Вот интересно!

А сидевший у столика турский гражданин в мелких старушечьих очках, наравно поичном лицом, тут же отозвался:

— Нет, от хорошей жизни не поленился...

Он сразу вместе со своим лимонном опровергал Андрей. Ишеница немедленно выложилась всей своей немудрой инвентарь авиационных позваний:

— Сажайте, постепенно выработывались играми летчи с триумфальными стеклами, приближающимися очкам! Мне один знающий объяснил, что если с арбушка посмотреть вниз, то кружится голова.

По молодости Андрей старался разложить всекому встречному все тонкости переживаний во время полетов и фигур высшего пилотажа, но односторонние вопросы так остертело, что уже начал было впадать в подробности. У него как и у всякого летчика, постепенно выработывались играми рассказа. В глазах пассажира светилось столько нетронутой обывательской глупости, что Андрей ее даже боялся.

— Не буду обижать, ну ее и черту! А вот этот пассажир слепоты! Сколько стоит самолет и столько ли на мертвой теляте? Пассажир в отчаян, сколько получил от Андрея внушение, моментально заинтересовался:

— Гражданин летчик, разрешите поинтересоваться: сколько стоит один Аэроплан?

— Начальство,— подумала Андрей и обреченно села на скамейку.

БОЛЬШЕВИК

Человек — один на льду. Ала покрикивает. Мороз — обличья этих мест. К нему приближают с осями — по инструкции врача. Ночь с бледными привалиями рассвета: февраль.

Человек на льдах Чукотского моря. Какая бесконечная зима отдаляет этого человека от цивилизации! Вот если даже сейчас вернуться в лагерь и крикнуть: «А похоло!» Обложка торосов, падающая на вставы болты, потянутся 103 человека на юг. Первыми пойдут женщины. Дети пойдут на руках мужчин. Сегодня — двое, завтра — пятеро, молча останутся слабые или отойдут историю во время привала и замрут в снегах.

Спустя два месяца десятком удавшихся выведет на материк. Это чукотская Аляга, Мыс Ойман. Какая бесконечная зима отдаляет имя Ойман от цивилизации. Здесь еще не знают решений XVII партийного съезда. И не узнают до лета. Это чукотская Аляга.

Человек молча оглаживает льды. Трещины ему не нравятся. Завтра надо ожидать нового сжатия. Отто Шмидт поворачивает к лагерю. Как он угадывает направление. Льды есть аляга. Отто Шмидт идет быстрее. Он слышит.

Человек — не один. Вот лагерь. Наверстываю на чалышки выхожу двое. Первый истерически спрашивает:

«Что видели?»

Это староста философского кружка. Шмидт рассказывает:

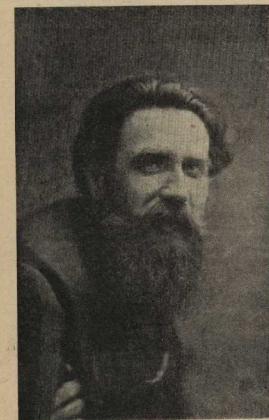
— Оглядываясь, Отто Юльевич. Все ждал уже добрых пять минут.

Это староста философского кружка. Шмидт направляется в свой уют барака за конспектом лекции. Сегодня — «отрицание отрицания». Но эта трещина...

2

Он никогда не задумывал полвита. Подвал всегда оставался только точкой изогнутого производственного цикла. Работа требует самоотверженности. Самоотверженность замывается полдником.

Вот например: учению нужно для исследования получить кусок льда из глубины полдюжины метров. Это — опасное предприятие: нужно спустить человека на кавате в прикатоно изобретую узкую трещину со своями, как бы нелегальными боками. Шмидт — начальник экспедиции. Он не имеет права ставить свою жизнь в зависимость от крепости кавата. Но Шмидт — единственный аль-

О. Ю. Шмидт в 1926 г.

пинист на корабле. На Памире, на Кавказе, в Тиреле он «брал» немало льдинов.

И Шмидт спускается на канате в трещину. Над ним 15 метров спрессованного льда. Он вырубает его образки.

Или еще льдинов. Шмидт и с ним трое по льдине переходят с корабля на берег, чтобы организовать пароборку льдинов на борт ледокола. Плотники кончат постройку станция. Будут в это время лабля альдом. Лыдним несет в океан. Навстречу ветру, теряя друг друга из вида, идут по льдине четверо. Идут всю ночь. Среди них — Шмидт. Был везава же уйти в Арагагальси, оставив льдинок зимовать, — это совет все трое по станции, это просто грозит катастрофой...

В жару, с досадой прислушивается к болельщице. Шмидт идет подолговую и прилетает самолетом на лед. Женщины спасены. Теперь — очередь саб-бес. Шмидт категорически исключает себя из списка. Это не просто моральный акт, это акт политический. Больше раскладает этого человека, но решение его не дает трещины. Тогда вмешивается правительство. Лагерь можно эвакуировать и без Шмидта. Коллектив достаточно силен, достаточно стоек, его возглавляет крепчайшие партийный кадр. Уходит Шмидт — есть Бобков Колюшка.

Жизнь Шмидта в опасности. Семидесять шестым покидает лагерь по приказанию правительства тот, кто с «Челюскин» сошел послесидим.

В меловой публе, на заре подползет начальником к аэродрому, его заблаговременно в спальный мешок, второй мешок служат постелью. И вот Молоков кивает головой: «Я и миг летаю».

Условия определяют полдник...

3

Планом родных совмещает по телефону.

— Нена, Ильяновна? Здравствуйте. Говорит Шмидт... Слабисо. Сегодня у него 37°. Я получаю известие: они вылетели в Ном... Слабисо.

Дело такое: Троюновский приглашет посмотреть фильм о полдник. Велел вас в Петугов... — Алягушка? Здравствуйте. Говорят тая Вера. Да, Шмидтиха. Передней маме, что Троюновский...

На маленьком экране киноаппарата оператор демонстрирует сценки челоюскинцев своей фалом о героическом полдике.

— Тяжелый ход на льду. Медленное измерение. Варьям амондана. И вот — последний шаг: на льдину выбегает с корабля коллектив. Люди бегут по «Развалу — ледовый». Люди прыгают к боркам. «Раз-два — ледовый». Короткое перестроение. Бег на месте. И стремительный взмах десятка руков.

Это физиокультурная зарядка в час, когда в аэротурке всего мира, на спинах ступают всек квартир, еще висят галстуки и воротнички.

Троюновский смущен. Его благоварит, но оитро морозно понимает, что всем этим матерям и сестрам хочется видеть льдина родных, им чудится «ругательный пламя», глады. А флам так коротко...

— Хотите, я покажу вам заграничную хроника? Салитесь.

И вступит яркая рассветная скоростями, замывается водой колески вандоушней, сокращается страшным замерзшими.

Вот бесстрашие: стройная девушка в немых обоях осмыслена. Руками она развигает — лобные кусты — его исторические чудеса.

Вот полдник: человек обманет себя беркомом, подкапает себя на мачте и прыгает в воду с лодки.

Вот мера полдника: бронзовый кубок с изобразжением.

Еще раз поблагодаря, семья челоюскинцев расходятся по домам.

— Зачем он прыгал, папа? А зачем он подкапывал себя?...

4

Студент-математик, купив известную среди алгебраистов книгу «Абстрактная теория групп», немало удивили: предисловие во втором издании подписано автором на ледоколовом корабле «Челюскин». «С каких это пор... — думает студент, — профессора математики отправляются в ледовое плавание?» В раздумье показывает он книгу товарищу — математик. Тот удивляется еще больше: автор этих многостраничных формул, этих буквальных алгебритов — Отто Юльевич Шмидт? Какого отношения имеет этот полярный герой и великий математик?

Где он ола посрамляется за нелеповаглядыва, за лед, за лед, в частности, что редко заглядыва-

В 1913 г. Отто Юльевич был студентом Киевского университета.

ют в БСЗ, главным редактором которой, кстати, является профессор математики О. Ю. Шмидт — исследователь Арктики.

Первое название «Абстрактной теории групп» относится к 1916 г. Эта работа до сих пор не опубликована в своей обложке. Шмидт был удостоен за нее премии Рахманова.

В 1919 г. член ЦК с.д. интернационалистов Шмидт вступил в ряды коммунистической партии. Его знает Ленин. Заместитель М. Н. Покровского в Ученом совете, заведующий Госиздатом, член коллегии ЦСУ — такими главными вели послереволюционного пути Шмидта. В 1920 г. профессор математики был членом коллегии... Наркомпрома.

Одновременно продолжается научная работа. Шмидт заведует кафедрой в МГУ, советует своим математическим коллегам, воспитывает талантливую молодежь: Курюца, Кулакова, Туркина. А летом — аэромогильные восхождения. Год за годом Отто Юльевич штурмует вершины скалированных ветром вершин. В 1928 г. вместе с Крамлюко он участвует в советско-германской экспедиции на Памир.

Теперь уже пустой затей был бы пытаться определить, кто же такой Шмидт: бесстрашный альпинист, умелый организатор, пылкий ученый? Он коммунист.

В 1929 г. партия и правительство называют его начальником экспедиции на «Седов». Шмидт становится в ряды советских полярников. Искренность, мужество, знания этого человека проходят сквозь испытание полдником. При этом каждый поступок поощряется партийной обдумкой, полдник и героизм челоюскинцев, целосудовождение их расмудростями. Это и является основанием в Советской стране.

5

Для задания поручила Шмидту вернуть в последние годы. Большую советскую антарктическую и Великий северный путь. Трудно решить, какому делу из двух Отто Юльевич отдать больше справедливости.

Значение Советской антарктической экспедиции, Велюки Северный путь. Трудно решить, какому делу из двух Отто Юльевич отдать больше справедливости. Значение Советской антарктической экспедиции, Велюки Северный путь. Трудно решить, какому делу из двух Отто Юльевич отдать больше справедливости. Значение Советской антарктической экспедиции, Велюки Северный путь. Трудно решить, какому делу из двух Отто Юльевич отдать больше справедливости.

Стремление угадать в нашей стране огромно. В лагере Шмидта люди вдовольно работали и учились. Страдом аэродромом, стривали обела, изучала ледовый режим, мастерили обели, илпичили детей и... учились. На материях вернулись люди, овалдывали философия, кораблестроения, естественные науки и многого другого, как они были полезны и как вредны трудящемуся человечеству.

Стремление угадать в нашей стране огромно. В лагере Шмидта люди вдовольно работали и учились. Страдом аэродромом, стривали обела, изучала ледовый режим, мастерили обели, илпичили детей и... учились. На материях вернулись люди, овалдывали философия, кораблестроения, естественные науки и многого другого, как они были полезны и как вредны трудящемуся человечеству.

А тут еще слово «беспроволочный» со своим разнообразным применением. А тут еще огромное слово — Азия...

Восхитившимся мусором был зарос старейший Бруксайд: «Амур — см. Эрот. Агафия — камышовая городишка. Алабабов — армянин, поселившийся в России при Александре I».

Обеспечить трудящихся колхозами страны задача, известная каждому, владеющему мир представлений врандоголового класса, — эта задача уже много лет влохотдела Шмидта на материке. И в океане.

6

Северный полюс был открыт спортсменом. Но только промышленники и ученые вене кораблей вдоль берегов Сибири из одного океана в другой. Чтобы открыть сибирский Север и вывести на дальнюю полосу колоссальные богатства, нужно научиться прокладывать этот путь в одну на вытеснение. До Шмидта здесь проходили только три пути: штурмшлюпки: Норвичеда на «Веге» — Вильс — Ливович, Бальвикши на «Таймере» и «Мед», а также зимовки и Амурские на шлюпе «Мед», заминовав дважды.

Советский деловик «Сибиряков» впервые проплыл на Архангельск во Владивосток в одно лето. Освоить Великий северный путь — задача грандиозная. Нужно знать закономерности морских течений, определить наиболее удобные пути корабля, восполнить полярные капризы.

Когда летние палы Чукотского моря свистали «Челюскин» в самом городе Берингова пролива и потанчивали морозом, никто еще не предполагал зимовки: льды могли и отступить.

Но льды не отступали. Чукотские морозы покаялись еще раз. Именно это часть Ледовитого океана — малодоступная и неразветвленная — представляет наибольшую трудность в освоении Северного пути. Здесь некогда застрял «Фрам» Нансена, здесь потерся вилты «Сибиряков», и здесь же погиб «Челюскин».

Молодое море парашитает льды такой мощностью, какой не знает Арктика на меридианах Евразии. Ледяная стена простиралась в две мили и, обретающая торосам, выталкивала дрейф ледяных полей какими-то загадочным маневром. Так, впадины в мертвую зыбкую суббуг, дрейфовая по замкнутой ледяной «шлюске».

Вспомогательные льды Шмидта не могли withstand это бессмысленное движение. «...Большая советская энциклопедия выводит misleading, с опозданием. Научный коллектив стран не справился с усложненным вопросом такого ответственного задания, как БСЭ. Шмидт учитывает это обстоятельство. Но он остается реально оптимистом, он знает, что задание БСЭ может быть выполнено по любой цене. Для этого он укрепляет кадра: отчисляет их до дебринских, рубинских, перевереских алиний, воспитывает в колхозники — еще раньше в себе-статье бонной партийности, чтобы в crucial момент форсировать тему — восемь томов в год, десять».

Оптимизм Шмидта — на льду и в редакции — имеет один корень — знание конечной цели и успешности в коллективе.

7

Это было удивительное собрание. За большим столом, заставленном бутылками и разнообразными закусками, беспорядочно раскиданы тельняшки льда, растопленные, вытопленные, замороженные лива, химикаты, истории, спешивающие по профнеизменности, по игре на ударных инструментах, астрономии. Это радостнейший коллектив антропоидов приволека тельняшки редакторы.

Бес шавает Шмидт не скрывает, что возможна зимовка. Успех «Сибирякова» не мог гарантировать успеха «Челюскина» — ведь это даже не ледолод. Сколько томов БСЭ выйдет за время плавания Шмидта? Какие бумажки найдут в работе?

Дружеский юмор превращается, как это часто бывает, в производственное совещание. Это не совсем точно сказано: льды еще плав, спешивающий по Востоку приволека горючую суворость, но подпасть льда и заговорить Шмидт, все умоляет. Шмидт говорил о людях своего коллектива, о «лесе присутствующих». Он кропотливо подготавливал слова, четко определял маршрут.

— Петров, называй от товарища — Исидор читательная ардуция. Но при этом серьезности, склонности к штурмовым методам работы. Иванов — истощитель, переходящий порой в упрямец. Ахитков — большая работоспособность, но мало статично-высок идейный уровень, а ведь это первое лето.

С. Бишета — домох. Теперь последнее дело в море промывать, как промывать же бегать. Она умеет, ведь каждое лето — транзит. И вот на корабле. Иное небо, иной мир...

Там, в Москве, — тысяча статей, боэмных и малых в океане. Сотни статей. Мелкие. С грузом утомляемых ошибок в изложении. Коррек-

тура. Здесь — загадочные, зримые дела. Разведка, голос коммандо, аврал...

Когда, спустя несколько месяцев, уже на льду, в лагере, Кривенько говорит радостно: уже совсем близко подлетели летавшие антропоиды, долго общириваешься, что место Шмидта — один и тот же и в БСЭ и на льдомого гол. Точно знание и верная расстановка людей. Учет их возможностей, степени их износа. В штате автора, где партийное руководство устанавливает очередность эвакуации, Шмидт берет решающее слово.

— Иванов, — говорит он, — долгие были вынужены в прошлые очереди. Он больше.

— Петров может доработать еще столько же. Ахитков уйдет со мной — последним.

8

Когда началось последнее слякит, откормась тесть и на дрейфующем корабле всем стало ясно, что «это конец», Шмидт прежде всего спустился на лед, раздался крик. Антропоиды были измучены раньше, чем шоколад, мука и сахар. В установлении такой очередности обрисовался Шмидт, его понимание значения связи маленького отряда на льду с многообразными возможностями своего материка. Кто же, как не Шмидт, мог оценить радио в катастрофе? Ведь это он — как разводящий страны — оставил на льду десятки полярных радиостанций; он организовал регулярные рейсы радиосвязи. Антропоиды были измучены как, ежемесячно, антропоиды, заброшенные в ледяные пустыни, слышат через наушники баяние и смешные, с хрипотой — муссонные, архангельские — звуки.

И сам Шмидт не раз садился у микрофона на радиостанции Московского телеграфа, чтобы в ночной час деловито опросить товарища: — Ну как, Ушаков, стюк к вам завопит самолет? — Привет Кривенько. Ало, Кривенько, как самочувствие?

В 1912 г. на Петербурга на судне «Анаст» отправлялся Арктик экспедиция Брусилова. 28 октября лед Кривого моря, в которой вымерло судно, пришла в движение и неугодно — больше года тащил экспедицию к полюсу. Эпидемия была разнесена на чашечку. Вспомогательная подготовка к войне, потом разразилась война — никто не было дело на спасения полярников. В эти же годы терпели бедствие по льдам и «Фокка под командой Солова.

Летом 1914 г. два участника брусиловской экспедиции были сняты следовыми с замены одного из лутневых островов Земля Франца-Иосифа. Шмидт был с ними — экспедиция оказалась в очень неприятно достояние Северный полюс на льдах.

Штурман Альбабов, влывший на борт «Одиссея», расклевала о торговле брусиловской экспедиции. Шмидт был зимовку коллектива оставила. Штурман пересорился с начальником. Матросы были тяжелой формы невестности. Потом и провизия пришла в коню. 10 апреля 1914 г. четырнадцать человек со штурманом Альбабовым, сошли с корабля на лед и потонули в воду. История этого отчаянного похода с 83° северной широты, заваленная штурманом, может служить ярким примером распада социальных связей и волевого отчаяния человека перед лицом ледяной смерти.

Каждый шаг по пути к земле стала жизнью: слабее гибла; сильнее шал, не задерживался. Отряд редел. Но последний акт трагедии начался в то утро, когда обнаружилось, что ночью скрывался лодка, позвита у товарища тельня вещи, мешок с сухарями, десять коробок спичек и друствую. Это было бессмысленным преступлением. Взятых безмолвных лутнев было недостаточно, чтобы спасти от морозов. И действительно, вскоре оказалось, что маршеры сопроводили отряд обло, боась отозваться в отряд.

Так и шая они — два вилу отря у друга.

— Лучший героизм Шмидта не может быть расценен отделимо от всего коллектива. Так же не может быть расценен героизм Молокова, Каминина и других пилотов без учета самоотверженности их бортуавторов и жадно участия местных жителей, создававших промученному авродром.

Летчик Пивневский отдал героиче своего мотора товарищу Яковлеву, чтобы он долетал и спасал Якова круговая поруга советской славы.

9

Скорю вернулся домой герою чукотской зимы. Будет лето, Илья. Скоропо отлучился в море, чтобы отпугивать «Челюскин». Славная летовка, а льда белое поле зимовки, увидится льды в морозильнике. Шмидт и Шмидт. Он войдет в свой кабинет, в котором не было ровню гол. Влодь стел — книжки, белые поля. На письменном столе, у термизации —

О. Ю. Шмидт помогает разгрузить кипрчки для постройки станции в бухте Тисси в 1932 г.

белый мольберт, нагретый японским солнцем. Груда заграничных проспектов, журналов, присланных за яму. Новые книги.

Еще при Шмидте Большая советская стала вылетать сразу с первых и последних букв авралиты. Так работ тушала: сразу с обложки конвертов. Вот бухта Ш. Гем 62. Он был подготовлен, пока Шмидт пробылась во льдах и Чукотке.

Немало время раскостр нужно страннику. Как много оказалось полевых чувствозитие одиночества. Среди немощных Шмидтов — зоологов, ботаников, языковедов — вот рядом три русских Шмидта: Николай, Отто и Петр.

Второй Шмидт — Отто. «Род. в 1891 г. Кандидат университет в 1914 г. Профессор математики... Шмидт перевезет страннику, матушку — «Шаниберген», «Шангоуту...» и замучается. Вот уже исполнена первая бухта. Алгебра. Арктика. И вторая — Большая земля. И третья — Ваккерские миды. И, если с конца начать, — Эриксонландия.

Что же на очереди? Пока что — отпугивать. Отдельно. Он сейчас бегает по последнему западней. Отпугивает Димитров, Попов и Танаев — замечательный коллектив, «снятый» с фашистского застенка. Отдохнуть перед тем, как начать работать, четвертая прибыль в СССР венских рабочих — бойовой авторы Олдорфстрема.

В Гаспре мид в Теберде, в мягкой воле горного поляны, опять потянет льды. И, вскоре сколотит группу товарищей — «До обеда успеши», поведет их за собой Шмидт в полетце через паучо к озерам, — кутувать.

И опоздает к обеде. — Опять Отто Юльевич режим нарушает, — сердито пробубнит женщина-врач с чеховским пенсне на носу и опустит суровую замечку в ящик санитарской газеты с веселым названием «Место под солнцем».

Поход «Сибирякова» в 1932 г. Шмидт на льдине.

СТИЛЬ СЛЕПНЕВА

ВОСТАНОВЛЕНИЕ ЦЕНТРАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬНОГО КОМИТЕТА СОЮЗА ССР

Отмечая беспрерывную героическую работу летчиков, осуществивших спасение часовщиков, Центральный исполнительный комитет Союза ССР ПОСТАНОВЛЯЕТ: присвоить звание **ГЕРОЕВ СОВЕТСКОГО СОЮЗА** — ЯКИДЕНСКОМУ А. В., ЛЕВАНЕВСКОМУ С. А., МОЛОКОВУ В. С., КАМАНИНУ И. П., СЛАБИНУ М. Т., ВОДОПЯНОВУ М. В., ДОРОНИНУ И. В.

Председатель Центрального исполнительного комитета Союза ССР М. КАЛИНИН
Секретарь Центрального исполнительного комитета Союза ССР А. ЕНУКИДЗЕ
Москва, Кремль, 20 апреля 1934 г.

Маврикий Слепнев — герой Советского союза.

Среди семи, прорвавшихся на крыльях к аэладию, был и Слепнев.

...Февральским утром он послал телеграмму с просьбой направить его на спасение часовщиков. Спусти несколько дней в Москве, на раскате, он усматривал короткий гулок авто. Слепнев взял чемодан, папиросы и шляпу. Подойдя к дверям соседней комнаты, он секунду прислушался: там лежал его бывший левый. Повернувшись, он тихо выскочил. За ним гитарно цепенула английская лавочка.

Так начался великий поход.

На аэродроме бешула поднятый винтами самолета снежный вихрь. Путь лежал на Москву на Кеминбург. Оттуда через Атауаткину — в САСШ, Канаду и Аляску. Закутали в Фарбенксе два самолета, советские поларники: Уилкокс, Слепнев, Леваневский — двинулись к лагерю Шмидта. Самолет Леваневского потерял аварию. Слепнев поехал в лагерь. При посадке в торохах он поранил шасси. Слепнев пробыл три дня на ледяном плацдарме, где два месяца легендарный отряд давал бой смерти. Он был свидетелем самого большого со дня гибели «Часовщиков» свалки льдов. Он вынес на крыльях шест человек. 12 апреля Слепнев появился в Номе со Шмидтом, Уилковым и американскими бортуэкипажами. Аляска третий раз встретила давно известного ей советского летчика, который второй раз со славою пролетает из-за Берингова пролива.

Первый раз Маврикий Слепнев появился в Аляске в 1930 г. с группой летчика Эйбсона на борту. США обратились тогда к ним с просьбой доставить дух пропавших в Арктике американских летчиков. Когда Слепнев прилетел к мысу Северному, там зымова «Старворол», стоял затертая льдами шхуна знаменитого поларника Свенсона

«Науку», два американских самолета тучей искали пропавших. Они полагали, что Эйбсон жив. Слепнев достояние мысленно картину гибели самолета «Тамилатор» и заявил:

— Несомненно погибал, надо искать их тела.

Через 18 дней он торопом вырубил из-под льда репи Ануэму два обледенелых трупа. Когда погребил быки переданы американцам, на горизонте показались самолеты «Фервальда». Самолет пошел на посадку, но коснулся аэродром, подскочил, треснул и, свесив шасси и пропеллер, врезался груду в снег. Все бросилось к разбитой машине. Из нее вылез американский капитан Рид и, не обнаруживши в изуродованном самолете, приложил руку к шлему, невозмутимо отработова Слепневу:

— По специальному заданию. Сел, чтобы проверить вам телеграмму из Вашингтона...

В ней правительство США приглашало русских летчиков в Америку. С группой Эйбсона на борту Слепнев «перелетывал» на самолете Берингов пролив. Он был первым советским летчиком, который вступил на землю Аляски. Путешествие его по Америке было триумфом советской авиации. На могилы погибших летчиков американцы выложили красные, советские флаги. Имя Слепнева было выписано в золотую книгу города Теалори рядом с Роландом Амундсоном, побывавшим в Аляске за 4 года до Слепнева. Советский летчик заявил предводителю сенсации и губернатору города браво вылетела его от толпы. Нашлась даже богатая леди, которая поднесла ему 500 долларов: обычно так выписали в этой стране карьера молодых людей. Но Слепнев усмехнулся и от чека на доллары отвалился. Это было поразительно и давало совершенно новое представление о советском летчике. Когда Слепнев на банкете заявил, что ему испонитна шумка, поднятая вокруг его

всплещии, так как он виноватна обычное дело, поручившему ему советским правительством, его слава превалила астоящую революцию в умах. И Слепнев, шутя, со свойственным ему юмором, спешно оговориться, что присутствующий переводчик губернатора может засвидетельствовать, что он не принимал в мировой революции, а только удостоверял своим присутствием, что живут в Стране советов нормальные рабочие люди, без ножа в зубах, и что советские летчики самолетов в «экзотеро» не возмут...

Когда Слепнев спусти четыре года цулся через Америку в лагерь Шмидта, на всем пути его встречал как знакомого, известного в Аляске советского летчика.

В Нью-Йорке он нашел Свенсона, который рассказывал всем:

— Это тот русский, которому удалось найти Эйбсона.

В представлении старого поларного промышленника это была только «удача» — пресловутый американский «лак».

В Канаде исследованию советских поларников встретил Джо Кросс, летчик Аляски. Он смел в объятиях Слепнева, с которым когда-то развлекившая Эйбсона. Из Канады Кросс увез советскую экспедицию на своем самолете в Фербенкс. Здесь лязговой галлетки противу Слепневу — как и четыре года назад — номер «Фербенкс Делан Ньюс Майнер», на первой полосе которого был помещен портрет «номалора Славинова» и шпачетва его биографии. Славинца и гостинице, где четыре года назад останавливалась Слепнев, воскликнула:

— О, вы опять летите туда, за удачей!

За словом?

И Слепнев ныпался в Москву, что старая вертушка-земля вернется в Фербенкс попрешному и все попрешному понимают здесь жизнь только как удачу или неудачу.

Но когда 12 апреля Слепнев вернулся из лагеря в Номе со Шмидтом на борту, даде жители Аляски, которых бывало Клавдиана вручила видеть во всех жизненных успехах, лишь случай, а в отделе — лишь выражение той сумки золота, какой она оплачена. — Должнн быям превалауатье. Что это? Онитъ свастивная случайность? Или удачи и героизм советских поларников, начиная с эпохи «Косинки» и кончая латерсе Шмидта, стали законом и заключены в самом строе непонятной большевистской страны?

Да, это, второе! Это испытывает на себе и создает каждый талантливый человек нашей эпохи. Когда Слепнев первый раз пересек на полярном кругом воображаемую линию между СССР и США, он с восторгом всматривался в очертания Аляски. Он пытался мысленно представить себе легендарную родку Дженна Лондона и прообразически хвалял своего бортуэкипажа Фарида по плечу, крича:

— Под ногами — Америка!

На поном туле, он сразу трезвео и с глубоким удовлетворением утес всю разницу положений со-

1930 г. американская комартия скывала братский поном советским летчиком пои их прилетел в Америку. На снимке: товарищский юный, денкий тт. Славиню и Фарику коммунистической организации города Диную.

летского летчика и одиночки-пилота в капиталистической стране. Он привез в Америку заветный в авиационный флаг труп Эйзэнсона. Но, ознакомившись с его жизнью, он узнал, что этот талантливый летчик, которому принадлежат идеи выдрезания на Аляске воздушных путей сообщения, долго оставался бесхозным перед самым странам в капиталистической стране приветствия—отсутствия денег. Он занимал доллары, чтобы совершить полеты. Он торговал своим искусством пилота. Он вошел на перелет через Северный полюс только для того, чтобы стать богатым. Судьба улыбнулась ему, и он организовал воздушное общество. Если бы Эйзэнсову в начале карьеры кто-нибудь подарил 500 долларов, он стал бы счастливцем. Селепнев же отверг такой подарок с презрением и ужимкой.

В этом — замечательное преимущество советского летчика. То, что ему не достаются пути материальные неважно, что его талант и дерзость не подвывает штыря, что ему не нужно класть подковы в воздушные пространства, и сюда же в такой короткий срок такую изумительную скороту наших героев воздуха. Их мужество — не мифовская романтика вопиющая, вызванная какой-либо бедностью. Отвагой наполнен каждый будничней день наших пилотов Арктики. Перед отправлением в лагерь Шмидта Селепнев написал: «Я всю жизнь воевал либо летал». Это действительно так: Селепнев трижды ранен и дважды контужен. Выступая в воздухе сорок пилотов — сорок учеников, он сам не раз обогнул на своей птице земной шар, покрав — без аварии — 400 тыс. км.

Что отмечают тысячи километров пути советского летчика? Возьмем наудачу несколько эпизодов.

В полноту юности некогда от границ Америки начальником летного звена Селепнев обратился с призывом к авиации:

— Наступает момент, когда летной части авиации предстоит выполнять почетную задачу спасения пассажиров «Старопола». Эта задача потребует от нас напряжения всех сил, потребует дерзости, так как полеты в условиях полноты ночи будут проводиться вверием в нашему Союз. На нас возлагается также смелость полить на конкурентурию в летном деле с верной капиталистической страной в мире (Соединенная штатами). Я призываю авиацию к совершенству точной и дисциплинированной работе, работе такой же четкой, как работа наших моторов, и верю, что мы выполним все задания нашего правительства, советской общности и общества «Добролет».

Этот стиль нашего летчика. Но вместе с высокой сознательностью он должен обладать и мочуей выносливостью. В море Литвы, на льдине, на ожогенного Селепнева вошла медведь. Плате встретила в него, собрав последние силы. С немалым шумом инстинктом жинья бросился он к свалившемуся медведю, разорвав ему грудь и разорвав сердце, что-

Маврикий Селепнев отыскал тела погибших американских летчиков. На снимке: трупы Эйзэнсона и Борланда покрытые американскими флагами слытные жемчужинам-чучеликам.

бы согреть в его горячей крови свои отороженные руки.

Вернувшись в Москву, Маврикий Селепнев растел на полу белую шкуру медведя и отправился в Осовьяники с докладом о путях овладения Севером. Он теоретически обобщил опыт авиационный. — Я поларный летчик, но я убежденный собачник, — говорил Селепнев, подымая вопрос о базах и собачьих нартах.

Когда Селепнев познакомился с Эйзэнсовым, тот представлял уже кусок замерзшего мяса. Но Селепнев изучил все опыт летчика, осваивающего побережье Аляски, столь схожее с нашим Севером, и привнес этот опыт в Осовьяники.

Опускаясь на землю, «воздушный шофер», как называл Селепнев в трамтое Юлере, привнес вместе с другими советскими летчиками смысле планы завоевания воздуха, намеченные там, высоко, откуда виднея горизонты. И, привнес, знает, что богатейшая земля их примет. Она дерзка и не ставит граница ничьей дерзости.

В подаренной ЦИК квартире Селепнева окружают необычайные вещи (каждая — кусок плоти, вместе вазные — это история 400 тыс. км воздуш-

ного пути): флажки золотоскателья, стотников, зверобои, рымболов, моряков, оленеюдов и авиаторов; расшитый восточным орнаментом ковер — подарок тюркского правительства; кусок амурского джиршала «Наритив». В ящиках несметанного стода хранятся минералы: соли с полуострова Ту-Тух; кристаллы естественной нефти из реки Оленкии; гуды с острова Бегичева; пиния зооотверстных островов; лептовы, впервые сброшенные с северной птицей на Ладские золотые прииски. Эта комната, походная на музей, говорит о ликов жаледе перекрестной эпохи, об элдом из славной северной, отмененной авиации «Героя Советского союза».

Оглядывая вещи, Селепнев вспоминает:

— Я видел озеро Александра Македонского словно сапфирную чашу, брошенную в предгорье Памира. Валда Хайбергский перелез на Кабулам и ушедшему миндальными деревьями дороге, безгуду на голую парадок, в Иланд, Баром, лагери Якутия, Афганистан и Чукотка — вот скалки, которые обичны для летавших людей нашего времени.

Но теперь все эти воспоминания Маврикий Селепнев затмевает его беспримирный рейс в авиационный лагерь Отто Шмидта и ста соратников Шмидта — краснозвездный челюскинец.

МАВРИКИЙ СЛЕПНЕВ И БОРТМЕХАНИК ФАРИХ В 1930 Г. В АМЕРИКЕ.

На третьем снимке: М. Селепнев с борта парохода приветствует провозжающих. На четвертом снимке: рядом со Селепневым бортмеханик Фарих.

главным советским флагом. Обрушенная авиана, висит запереву на шта республиканских самолетах, этот алтарь бесстрашных в ознаме смерти.

Что-то радостно кричит Петров. Разобрел тут! Низко и ниже... Вот уже видны радостно размахивающие руками человеки. Вот уже около горит в полярном, холодном свете огненно-красный флаг, вот кружит вверху маленький ледяной аэродром. Самы салаваки! Самы, лояма обледевшими руками крепко галубят сна, расчитанная для доставки большого воздушного груза. Поле, ослепленное авиана, блино ослепости для самолетов. Ну, инаи четкий талл и необыкновенная выдержка. И, расставив авиацию секунду, мигно, спускается Ленинград. Работ 20 минут... Вот красочная авиация Бабушкина... Вот та самая трещина, о которой рассказывала в своей телеграмме Шнитт и которая звывала такую тревогу во всем мире...

— Попадали очень мала, — говорит Петров. Ленинградский билет толкуют. В глазах встало ледяное спокойствие. Для быстрых крутов — самолет совершил посадку «на точность». Паваний эпуса, как на московском аэродроме. Три часа эпуса весь мир облетает телеграммы:

«Летчик Ленинградский доставил на мыс Уаллен 10 женщин и 2 детей».

И достала так березно, что махавшая, шестимесячная Карина Васильева и трехлетняя Ала Букино даже не почувствовали спуска. И это несмотря на шесть часов пути в ледяной корке, неведомой на то, что происла снети облещивающие востные очеса и ахсты в пыжливой маске.

Утром 6-го тревожно встает Ленинградский и также тревожно смотрит на Петрова. Эпирис от Шнитта как всегда спокойное, но такое волеуверенное спокойствие, которое раздала, раздала, вновь раздала бараг, где раньше играли женщины и дети. Треснула половам кухни. Как поврера пришла помощь! Но что делать дальше? Лагерь развалился на две половины. Спокойно, без паники, человеки начинала восстанавливать разрушенное.

«Все это нас не пугает, — телеграфирует Шнитт, — но вызывает много дополнительного работы».

«Все это нас не пугает». Конечно! Ах, мороза жуть! Тревожно смотрит на горизонт Ленинградский... Нет, пурга завесла небесно, молочная мгла повисла над морем. И пилот, залой, возвращається назад в бараг. Языки утончили в снегу. На горизонте появились темные мрак.

Эх, вот, опять беда!

10 марта рисунки летятслас снова. Но уже скоро левый мотор начал шавать: перебой. Пришлось вернуться.

А в это время, трясся на ледяной воле Берингова моря, степина на север «Смоленск» с камчатским экипажем самолетов. Комсомолец Каманин шел на помощь комсомолу Ленинградскому. Еще и еще раз — 11-го и 12-го — пробовала сыграть Ленинградский и опять подползла левый мотор. Занялся дымом. Работал день и ночь без отката. 14-го Ленинградский, наконец, поднялся и встал курсом на Ванкарем. День пришел в тревожной неизвестности. След шипа пропал в ледяной пустыне. С Уаллена передавали тревожно: «След шипа встало». Взялись на поиски. Только через несколько дней самолет обнаружился на острове Колочице, далеко за мысом Сердце-Каменин. Левый мотор встали подел, и самолет потерял авиацию. Но слеза почти благодушно, и Ленинградский приехал в Ванкарем: ему не терпелось скорей исправить машину и снова брестся на помощь. И это было настоящее горько, когда он увидел, что надежде его не суждено сбыться.

А тем временем на Озюторке снети вступала Каманин. «Смоленск» выслал его авиана — 5 самолетов — в бухту, и их тут же занесло снегом. 5 дней блуждал ураган, самолеты были потеряны в своей белой мгладе. О вылете ничего было и думать. 20-го стало тихо. Каманин, Молоков, Пивенштейн, Фадеев, Демидов со всех ног помчались к машинам. В чукотских чумах, уютных в снегу, тогда увидели рассвет и бросились помогать активным. В час раздала снеговая молния, вывели самолеты на ровную площадку, обворовали моторы.

«Есть!»

Машины работали исправно. С рассветом взмыли в воздух. Первым шел Каманин. Неугарившим, посылал блестящие пилоты. Вывела, впереве, тогда обмечена полярная погода не выдумает шутить снова! 22-го перебы 3 машины спустились в Ленинград. Почти одновременно 2 самолета на Озюторке на высоте 15 метров ползла в непроглядную струю воздуха и удерживало о земляк. Летчик остался целым, но машины выжили из строя. Лед, еще много сил у Советской страны! Вероятно, Из камчатского авиана две машины тогда приехали. Инаи Бабушкина для ремонта авиана. Инаи внаи вперед, но Ленинград снова встретила его пургой.

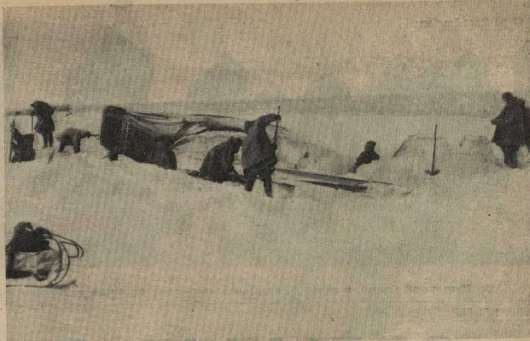

Фото М. Слепнева.

...И-под снега оттаивают самолет Т. Галышева.

Опыт трехдневная задержка. Много раз выбегали Каманин, Молоков и Пивенштейн, когда за окном, казалось, наступало затишье. Но это была только обманчивая передышка. Пурга продолжала бушевать, и горизонт наклонился смутно, тлеящую вату! Сиди и жди! Только 28-го Каманин вывелся из Андира. Все махичное население дружно провозгласило гетеро.

И три бесстрашных члени сразились за невыведенный авиационный хребтом. Первый полет на этом рейсе. Каманин берет курс прямо на Ванкарем. Трасса невыведена и полна неизвестностей, но зато короче. А быстра — главное в этой борьбе за это дорожку ливней, когда промлетей каждая какашка день грозит развалом, и трещина мигло половинами лагеря становится все шире и шире. Звеню улетело и пропало за талла. Часы идут за часами, тревожно спрашивают с Омала, где Каманин. С Уаллена из Андира с Сердце-Каменин идут бесполокные «Нет, нет, нет».

И здесь потерялся след комсомольца Каманина. Где он? Уно из Гилгия вылетел Галышев, Волопышев, Дорони. Уно Фых и Герюков, оставив след камчатского авиана, несколько раз пробовали стартовать из Андира. Слепнев из Нома прилетел в Уалле, пробившись через километры сумасшедшего шторма. Ленинградский поднялся, но в ледяном тумане самолет обира и отжегал. Ленинградскому пришлось совершить посадку. Только его необыкновенная выдержка спасла людей. Бабушкин вывелся из лагеря и прилетел в Уалле. Вылетел в Ванкарем. Но Балтийское не готовилось к полету Болотов. На помощь шли дирижабли. Где Каманин?

Откаслас след Каманина. Туман и пурга злставили его изменить путь. Кратчайший путь ле уалле. И Каманин сперва на мыс Уаллен. Он и Молоков.

Ремонт? Задержка? Не до того. День и ночь работают Каманин и Молоков. Готово! Аварийные дни морозно, но зато горизонт четкий. Не задерживаются лететь в Ванкарем. И сразу, через авиана-а лагерь Шнитта. У Слепнева полочки, он застревает на ледяном острове. Каманин и Молоков забирают людей по списку и идут назад: венова. В этот же день и вечер они доставляют в Ванкарем первых 7 человек — больных и наиболее слабых. На следующий день горюют опять завесло туманом. Слепнев с комсомольцами чинит ледяную машину. Молоков, пролетая полтора часа, не смог в тумане обнаружить лагерь Шнитта. 10-го Каманин с утра вылетел снова, привез троик. Снялся во второй рейс, но в моторе лопнула приводная трубка, и он не мог вылететь. Встретился. Летал только Молоков. 3 раза он перередел расстояние от Ванкарема до лагеря и привез 13 человек.

Теперь уже группа авиационная свободна: 34 человек спасены! С таким количеством победла обеспечена. Главта всего мига авианта этой величественной схватки с Арктикой. Утром 11-го Каманин починил машину. Старт... Внесет с Молоковым вылетают в лагерь. Рейс за рейсом... Установилось нечто вроде регулярного спасательного сообщения. К концу для утешения Каманин и Мо-

локов подготавливают итог: еще 35 человек выведены спасены.

Тысячи поздравлений летят к ним со всех концов мира. Но им не до того. Чуть забередела, расслет — они снова в полете. Комсомолу Каманин не пропущит ни одного рейса. Полосами Волопышев и Дорони. Проворачивает через пургу и радостно бросился на помощь шатающимся от усталости Каманину, Молокову, Слепневу. Опять несколько рейсов 12-го: еще 14 спасены. 13-го остаются последние шесть во главе с капитаном Борбуром.

И радостно потирая руки, улыбаясь, в последний рейс вылетают Каманин, Волопышев, Молоков. Медленно тухнет оставшийся секунды ледяной републики. Последние 6 человек зажигают дымовой сигнал. Неугомонный Креклев сорочивает свою маленькую радиостанцию. 2 месяца мужественной борьбы с Арктикой остались позади.

И когда 3 блестящих члени победно сияютслас над лагерем, 6 советских граждан, 6 молчаливых героев, а последний раз отдают четк красную флагу, последнему свидетелю оаий в свмх героических страниц истории.

Николай Каманин — герой Советского Союза.

На Пушечной улице, в доме 4, открыла выставку осенней и зимней одежды опытная фабрика Мосбелье.

ЕВГ. КРИГЕР

СОБЫТИЕ ГЛАВНОЕ

Событие грандиозное, что называется, в самую пору. Оно привлекало внимание инспекторов милиции, актрис, колхозниц, домашних хозяек и красавиц-модельеров. Многие просто потянулись. Никто, скрывающийся за скромной подлинно грабжающей 21 года, мужичина, не погнался даже оценить событие в историко-философском аспекте:

«Н-э ту пору, когда женщина была еще рабой и отсталой, априорной России, она не знала о фасонах и достоинствах, чего достиг Советский союз в настоящее время. Совершенно нет никакого различия среди женщин: кто что хочет — любой фасон. Эта выставка—она многое дает каждому человеку».

Что такое? О чем говорит грабжающая, мужичина 21 года? Какие фасоны взволновала его?

То самое, о которых яркито, с благородной простотой заметка старший инспектор управления РКК милиции, 33 лет, мужичина:

«Благодарю за прерывший почин!»

Почин действительно прекрасный. Старший инспектор милиции абсолютно прав. Благодарности его оправдана и беспристрастна, ибо сам он, должно быть, мало заинтересован в случившемся: событие, происшедшее в марте 1934 г., есть не что иное, как выставка моды женского и детского платья, какое старший инспектор милиции, особа мужского пола, чистота не может.

Мы привели эти отзывы, чтобы показать, как выдалась атмосфера на беломом и осеннем фронте, как велико было ожидание перемены на этом безведном сером, пологом, ровняном фронте. Дешевые одетые краснито так накипало, что даже мужичины побегали на выставку женской одежды. Один из них не только прилежно осматривал все модные дамского платья, но даже выбрал из них наиболее выходящее и в билетике написал добросовестно:

«Избранные мною фасоны в основном соответствуют назначению».

Менее сговорчивым оказавшая некий посетитель, который после длительного обозревания, одоброчное, саркастичное, плагирическое замечание разразился:

Модель № 7 (худ. Гальворной) оказалась победительницей.

«Очень мало мужские костюмы. Поэтому выбрать можно только из женских!».

И подыскался:

Ученик 1-й школы МОНО, 13 лет. О младшей ученике 1-й школы МОНО! Как много мужчин разделяют твое разочарование! Как долго идути свои возможности вымалать из осенних и зимних одежд Мосбелыи и вырваться в веселые как зайчатый день костюм! Такая жадна нежность, легкости, красоты накопалась в них за долгие москешовские годы, что при первом известии об открытии выставки даже женского платья они повалили на нее валом как в театр на волшебное представление.

Более искушенные в пошени мало-мальски извещной одеждой — женщины — отнеслись к выставке спокойно и впроц. Они приняли ее как должное. Они брали ее не в историко-философском аспекте, а в первом рыночно-платарном, потребительском.

К величайшему удивлению товаропроводящей сети Мосбелы и Мосбелыи они обнаружили солидные знания, серьезную одоженно-белую квалификацию. Оказалось, что если знали женщины и не модницы, то все же в складных мешках и бальневых халатах, предлагаемых товаропроводящей сетью, ходить они не желают. Ужас этой самой сети был тем более велик, что понимала «истинно прекрасное» в одежде обнаружили не только молодые работницы, но даже колхозные женщины:

«Платье № 67 советуем не поназывать на выставке подобного платья».

И подыскал:

«Скотица колхоза Новогригорово, 35 лет.

Кто из москешовцев охладил от колхознички такой злодой и унывающей критики? Кто злобно, только не продался явным «конформизмам», выразившие на покупателях с головорезьяльной высотой приличного своего величия. Однако за то время пока они развешивали на выкатных своих прилавках указующие сантиметры материи цвета миргородской луны, пока напалывали они на манекены чудовищно как бред своей кобылой платички, пока превращали своими платичками ласка честной советской моды и собрание неулокных, кособочных, разноворотных, разновозрастных — за это самое время страна создала Мунитворной, бросила на полк сотни тысяч инструкторов, содвинула Батуйского меса с Балом, выгнала кулака, стала закончившей. В свободную транквилю люди вглянувши друг на друга, поты в зеркало, потом замурманялись от ужаса и воплюми:

«Важно, спали нас от Мосбелыи!»

И вероятно первый раз за всю свою жизнь Мосбелыи вы так вглянули тогда в зеркало. Он бросил взгляд назад, на неяркитую свою действительность. И стало ему стыдно.

И устремил Мосбелыи выставку женского и детского платья. Без хитрости. Без затей. Без богатырского замывания на «классическое наследство», без завлекающих обещаний создать инородные одежды, якобы соответствующие природе бесклассового общества».

И никто за это не поругал Мосбелыи. Нашлась только одна женщина, необорительно отнесшаяся к этой затее.

«Фасоны очень изыщные, — написала она в билетике, — и в то же время непонятные».

О хмуром! О жертва старое Москешовье! О хмурое, осеннее, осеннее безрадостное существо! Как долго мучил тебя уляским балахоном, еще и по сей час торчащими в шпий шпий втулками! Кто слышал, что это сордославяно, социальнично, благомеренно? О влюбленная в москешовские дубраха душа! В самых ярком, легких, веселых, яркитых платьях должны ходить люди нашей страны. Как же не быть им красивыми! Если дело не, если сами они утратили мир! Если радость, веселье, любовь пришла, с ними на свободу нашу планету! Ведь, несомненно, самые веселые, яркие, праздничные одежды будут созданы именно теперь, в эти дни.

Однако вернемся на выставку. Она была устроена в фойе театра Лесового. Это умно. Ее осматривали разная театральная публика, отдыхающие люди, те самые, что так долго собирались в театр, выбирая наименее уродливые платья из купальных когда-то в Москешовье. На всех модалах висели номера. Посетители предлагали выследить в афишах именин об отдаленных модалах. Памят извещала, что в провинцию будут пушены платья, заслужившие наибольшее число одобрятельных отзывов. Несколько дежурных сотрудников оперативно-технической фабрики Мосбелыи давали публике объяснения по каждой модале.

И публика являла на выставку влом. Не только театральная публика. В дневные часы сюда приходила курортная, актрисы, колхозницы, металлистки, вагоновожатые, продюсники Метрострой. Около десяти тысяч человек посетили выставку организованно и нечтя. Не считая прибежавших самозвоном, не считая жалкоделовой театральной публики.

Женщины ходили по выставке тесно сплоченными группами, если хотело, бригадами. Они потренились модала, старались загнать в тайны покров, требовали карандашей и бумаги, чтобы зарисовать понравившиеся платья. Они удивлялись, что не прокладывают линейкой. Они во всеуслышанье заявляли свое неодобрение бумажным фабрикам, которые не могут дать в достаточной мере бумаги для выкройки. Они просили поместить модалы в складующий журнал. Иные выкладывали с выставки просто художничками: десятки «написан» понравившихся платьев были расованы по картам.

Что же было эти женщины?

Бог камирированных отягач:

«Платье № 17. Основной недостаток — отсутствует воротник. Если платье оставляет без воротника, то необходимо сделать поальшее декольте».

Кто это написала? Актриса? О нет! Как сказано, что только актриса дана умнее разбираться в красной одежде! Под отзывом подпись: Инструктор ленинского района ВАРСМ, 24 лет.

Бог больше непосредственные высказывание:

«Очень уютно и вальдовый, с доброй и глуп!» Подпись: «Тельно но испытанию бумаж Голыака, женщина, 26 лет».

Таких — подавляющее большинство. Пашут работницами, студентки, селянки, кондукторы, домашние хозяйки. Последние — очень выносливы. Напряжены.

Научительно оригинальное платье № 421

Однако большинство отзывов вышине более делового тона. «Бесспорно, восторг! домашней хозяйки захирела среди очень споровных и обстоительных замечаний, помогающих опытно-технической фабрике наладить выпуск новых изделий. Англетти подсчитывалась, как будто-то шаром на выставке. Выглядела — моделью-блестящей, платье-челюстью».

«Весь сорочник шлоашиной на лонгити модель № 7. В чем ее тайна? Очень простое, сплюснкое платье. Не обманка и воротничек складной как петля отдала. Но «шурша» она очень толково, что называется «чуть-чуть». Конструктор моделья допустила это «чуть-чуть» в осторожной провинции, чтобы не перепрестать платье в дурной раскладной. Урок не только портняжкам, но художникам, работающим по расцветке тканей».

Среди моделей-челюсткой — модель № 40. Это платье Магнитострой. Она напоминает летнюю спортивную блузку «Сделай сама». Тайна этого платья состоит в том, что оно разбирается как часы или как какой-нибудь лестница. В первом случае вариате оно превращает собой френчию с плечиками, следом же, выкатывая — татарский шарф. В последнем варианте это Магнитострой одежды превращается в простейшую домашнюю сарафанчик. Платье доукажет при таких превращениях. Соображаются они при помощи «Сделай сама», жестков, короточивых и т. д.

Здесь, пожалуй, наддушина очень правая идея. Дело в том, что большинство заброкованных моделей женщин ругали как раз за то, что платье сделано раз и навсегда. Материю так зарезали, что переделывать нельзя. Тягие модели изуродуют довольно сильно. Разобрать как поварная лестница платье тем и приятны женскому сердцу, что позволяют изменить его без помощи ножниц и швейной машины».

Остроумие и простотой отличаются такие работы Егоровой. Это моделья конструкторки, окончившая факультет художественной обработки тканей при Государственном институте. Ее модели выставляла на выставке чуть ли не рукопашно. Эффекты этих моделей очень сильны, но всегда основаны на очень простой идее.

«Как же сделана эта брестская? — спрашивала посетительница.

«Брестская в самом деле выгладела очень живописно и заманчиво. И вдруг конструктора разворачивала брестская, и выкатывала — татарский шарф! Форма обрисовала материю, а замаскировала моделья обрисовала тем, что брестская остроумно сложена и заперена на вуточке».

В отделе было есть модели, сделанные буквально из одного куска материи. Это не резали, не кроили. Его подхватывали поперком, свернули, и свободный кусок материи живописно лег на плечо живописной женщины».

Это очень остроумные работы. Не знаю, есть ли кто-нибудь подобной изобретательности. Пожалуй, здесь советские мастера одежды научились своей очень верной конструктивной принцип.

«Что же такое на выставке? Умисны, скучные выдуманные платья для подражателей. Блестящие несколько моделей женского платья, созданных с заграничных журналов. Глупо конструировать платье в стил мужского фрака с подобием крапчатой материи. Если зарубочная мода перенесена в этой модели, тем хуже для наших художников одежды. Такое платье неудобно, некрасиво, претенциозно, за него будто показывать пальцем, над ним посмеются. Оно относится к той категории, о которой я писала. На выставке футляристка фабрики «Кожоблестинские»:

«Много фантазия, а мало удобства при носке».

Общее впечатление от выставки лучше всего передать словами из заметки одной домашней хозяйки:

«Выставка произвела на меня хорошее впечатление. Особенно понравилась чистота в работе, платья очень хороши. Хотелось бы видеть в магазине, где бы можно было их посмотреть».

Правильно! Желательно было бы! Покупать! Раз событие произошло. Фабрику трест Мосблизе раскопалась на выставку и впервые за свою долгую, суровую, балажную жизнь порвала мир пришедшей ослепкой — пусть уже он грянет лучшими моделями не только в выставочном зале, но во всех магазинах, за всеми переулками».

В час, когда допоздны были эти выставочные строки, грянула еще одно событие. На Пушкинской улице, 4, открыла выставку осенней и зимней одежды опытно-техническая фабрика Мосблизе.

«Люблю грозу в начале мая», — сказала поэт. Очевидно, и в самом деле грянула в душевной, черной московской атмосфере очистительная гроза. Две выставки подряд!

Мы посетили Пушкинскую, 4, с фотопортретом г. Лемберг. Его снимок дает представление о масштабах московской грозы. Это не очень сильная гроза. Правда, атмосфера похолодела, цветы распустились в комнате выставка, как явствует это из снимков.

Но сами модели «распустились» еще не окончательно. Костюмы однообразны, хоть и тщательно сшиты. Но мы забудем, что это индивидуальная, выставочная работа. А что станет с бедной моделью при массовом изготовлении? Правда, есть на Пушкинской 4, кое-какие признаны московской весной. Вот, скажем, костюм № 138. Это тулужка для работы. В ней есть какое-то дуновение фантазии. Поясок, изгибно расположенные карманы, свободный ворот свободный и легкий тон исполнения. Это уже не похоже на пресные каталожные одежды Московские».

Есть костюм-тофель. Привыкнет ли он? Неизвестно. Но хорошо то, что трест отказался предлагать потребителю что-то помимо дубовитого канцелярского пиджака.

Есть на выставке очень добротно сшитые женские пальто. Моделья № 71. Правда, сложены раскладать, чем оно хорошо. Что нравится в этом пальто? Удачно выбранный теплый светлосеребряный цвет. Протота. Изящество. Безукоризненно

№2358 ПЛАТЬЕ ШЕСТИАННОЕ В ТРИ ВИДАХ, ПОСТРОЕНО ИЗ ЮВКИ, БЛЮЗЫ И ТРЕХ ДЕТАЛЕЙ. БОЛЬШАЯ ШЕЛЛОВАЯ ЮВКА НА ВРЕТЯХ С ДВУХА ВЕРХОВИИ КОЖАНЫМИ ПОДПЯТКАМИ
 ВИД 1 ЮВКА И БОЛЬШАЯ ОБРАЗЦОВАЯ САРАФАН
 ... 2 САРАФАН И ДЕТАЛИ 0
 ... 3 САРАФАН И ДЕТАЛИ 6
 ... 4 ЮВКА И ДЕТАЛИ 6
 ... 5 ЮВКА И ДЕТАЛИ 6
 ... 6 ЮВКА И ДЕТАЛИ 6
 ... 7 ЮВКА И ДЕТАЛИ 6
 ... 8 ЮВКА И ДЕТАЛИ 6
 ... 9 ЮВКА И ДЕТАЛИ 6
 ... 10 ЮВКА И ДЕТАЛИ 6

Эта модель — целый Магнитострой. Тайна этого платья в том, что оно разбирается как часы...

аккуратное выполнение. И мудрость, очевидно, не нужно. А то напротив этой удачной модели поставлено на выставке платье за номером 33. Как будто то же самое. Но нечто совершенно наизобретено конструктором с рукавом, полученная какая-то кокетливая фигура, складочка, ужимка. Сразу пальто стало хуже, размерней, как будто даже тугое.

Как жиста, ужасна на выставке детская одежда. Бельные дети! Не любят их в Московские Общественные школы. Может быть, скоро, Мобет быть, через неделю!

Ибо две первых выставки одежды обещано расширить и перенести с мая на территорию Парка культуры и отдыха.

Что ж? В добрый час!

Потребитель нетерпеливо идет когда все эти модели появятся во всех магазинах.

СМОТР МОЛОДЫХ

Выставка молодых художников

Слева: А. Федух. *Нохонники в Большом театре*; справа: К. Дорков. *В выходной день*; снизу — слева: М. Нашина. *Звездочка октабрат*; справа: В. Одицов. *Рапорт комсомола*.

Проходить по залам Исторического музея, где сейчас открылась выставка молодых советских художников, и нас поразит прежде всего необычайное стилевое разнообразие выставленных работ. Но в этой шумной разношерстной петруди уловить и то основное, что руководит художественной моделью, — горячее желание правдиво изобразить нашу действительность.

Бесспорен тот факт, что подобной выставки у нас еще не было. По существу, — это первый значительный показ наших молодых живописцев, впервые за весьма редким исключением, выставленных своих работ.

Может показаться, что не было ничего трудного в том, чтобы собрать эти разрозненные молодые силы. Но несколько тысяч полотен, представленных на выставку, потребовали дантовского и вробетовского отбора. Эти полотна неожиданно повалили, какое огромное количество молодежи у нас пишет картины: лепит, рисует, гравюрует.

Выставка дает представление о той системе идей и образов, которая характеризует мироощущение художественной молодежи.

Зрительно отродно отметить, что нашей молодежи чужды «слабые», стужбо формалистические позиции. Основное в ее творчестве — реализм, новые образы и новые тематика, которые они черпают в глубинах жинной жизни советской действительности.

Молодежь иногда вполне удовлетворена тем, что получила от своих учителей. Это ослабляет ее творческие искания, необходимые для того, чтобы новые образы, рожденные в практике социалистического строительства, обрели и в искусстве форму. На выставке можно встретить молодых Кочкаловских, Ююнов, Маншковых, Яковлевых, Бродских. Кто-то еще не вышел из-под влияния раннего импрессионизма или даже передвижничков семидесятых годов прошлого столетия. Несомненно, молодежь должна изучать у старшего поколения наших мастеров-реалистов систему организации элементов художественного произведения. Однако слепо копирование не нужно. Еще в большей мере следует использовать богатства классической художественной культуры, память Ленинские указания о критическом усвоении культурного наследия прошлого.

Все же надо признать, что на выставке можно встретить и таких живописцев, которые серьезно и усердно работают над стилем, образом, формой, сюжетом. На пути к большому портретному мастерству — Лукомский, которому, несомненно, необходимо еще много работать. Он умеет строить образ, живой и цельный. Лукомский — наблюдатель, вниматель и точный, умеющий быстро схватывать черты социального портрета. У художника Фридриха такого же рода умение дает звуковителю композицию, групповой живописный портрет (картина «Колхозники» в Большом театре).

Владимир внимательно в эту живописную сцену (которую мы с одинаковым правом назвали групповым портретом) — и вы замечаете, что каждое лицо — это лицо выразительная индивидуальность, со своим складом характера, своими переживаниями. Эта та естественность и выразительность, которые должны быть свойственными истинному реализму.

Умение изобразить действительность живо, правдиво и просто, без лишнего пафоса, изысканий, театральных эффектов, примерно так живописно, как пишет Одицов («Рапорт комсомола»), —

ДАРОВАННЫЙ

в Историческом музее.

П. Мальков. При попытке и бегству; внизу: Г. Попов. Плавные повстанцы.

большое достоинство художника. Пусть даже эта живальность найдет свое выражение и в некоторой условности, как например у Дорохова («Выходной день»), где живальностные моды определяют эпоху. Но в них столько радости, солнца, красок, что они оставляют внимание зрителя. Совершенно иное качество, метод, прием у тех мастеров, которые посвящают свое творчество изображению моментов, потрясающих по своему трагизму. Картины А. Лобанова и Малькова перекликаются между собой своей сдержанной тональностью. Они передают материал с документальной точностью. Здесь чувствуется спокойная рука художника, но возмужавшее болючее сердце. Мальков может услышать упрек в натуралистичности, в чрезмерном выписывании деталей.

О Лобанове можно говорить как о чутком реалисте, подмечающем мелочи бытия. Но по существу их види одинаково звучат, дают одинаково сильнейший политический аспект — в этом их сила и значение.

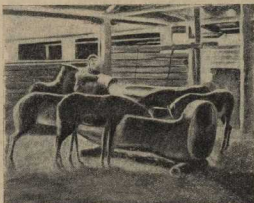
Выставке молодых художников, организованной ЦК ВЛКСМ, художественные организации должны уделять особое внимание. В истории нашего изобразительного искусства и живописного мастерства она оставит заметный след.

Фото И. Шагина

Евг. Долматовский

ТЕЛЕФОН

Полас срочных и сверхсрочных
Через тьму полей и гор
В проводах
Несется ночью
Телефонный разговор.
На площадке дуют ветры,
Мутная летит вода,
Километры, километры,
Провода и провода...
Крикну я, набравшись сил,
И, не разбирая слов,
Вдруг услышу
Голос милай,
Сотню милых голосов.
Вспомню город.
Вспыхнет искрой
Дальних телеграфов гуд.
Слышном скоро,
Слышном быстро
Три минуты истекут.
— Через месяц буду дома.
— До свидания.
— Пока...
Разговоры исполнома,
Информация в ЦК...
Так или в разлу сверхсрочных
Через тьму полей и гор,
Мой лирический,
Неточный,
Трехминутный разговор.

Л. Вьевенский. На колхозной конферме

А. Лобанов. Герои.

И. Луомский. Портрет.

П. Ремешко. Центр.

Ян Ухсай

ДЕТСТВО

На звалих избитой дороги
Прорастает трава горше слас.
Минут ее лошадинные ноги
И крошит черный детогу с колес.
Но она выпрямляется с днями,
Пьет целебные соки земли, —
Так я рос, подымаясь упрямо,
Как поляны в придорожной пыли.
Мой отец был сохе своей предан,
Он иссох как земля у межи.
Как видение детского бреда,
Вспоминается мне мой жизнь.
Старый мир как полява без окошка,
Я белла как ростик той картошки,
Кровлю зарека от лобной тоски.
Старый мир — он без солнца, без света,
Смерть для тела и смерть для души.
Если б был я в ту пору потом,
Я пригнемом ко всем кулакам
Повторю бы: «Спасайся, ты живь!»
Разве можно представить, как жила я?
Я как червь копошилась в земле,
Допивла огники чужие,
Досла обкусанный хлеб.
Мое детство упало, что камень,
В грязь, в валаки у дверей кабака.
Под тельными каблуками
Прокустал мой бока.
Для чего это все вспоминать?
С той поры пронесло много лет.
Знаю, старый мир, умирая,
В юном сердце оставил свой слас
В это место ударю я клином.
Верным клином работы и клин.
Буду честным республикаты сыном,
Воспеваючим, новым дни!

Перевел с чувашского и обработки.
Пав. Железнов

О СВОИМ КУЛЬТУРУ

О КУЛЬТМИНИМУМЕ

Центральный комитет комсомола постановил разработать в комсомольских организациях минимум общекультурных знаний, обязательных для каждого комсомольца. Дело это новое и трудное. Что такое культминимум? Как его осуществлять? Этому вопросу посвящена наша статья. Она, разумеется, не претендует на полноту и намечает лишь некоторые направления, по которым должно пойти повышение культурного уровня молодежи.

I

Редакция «Смены» провела недавно анкету среди молодых рабочих завода «Серп и молот». Был задан ряд вопросов: прочел ли ты «Мать» Горького, «Поднятую цепь» Шолохова, «Былое и думы» Герцена, «Красное и черное» Стендаля? Кто такой Леонардо да Винчи? На какой высоте находится стратосфера? Анкета интересовалась и географическими познаниями опрошенных, и посещаемостью театров, и многим другим.

Многие вопросы, как и следовало ожидать, остались без ответа. Но потом в заводскую библиотеку-приходню ребята и спрашивали, имеются ли Герцен и Стендаль, нет ли чего-нибудь насчет стратосферы, кто почитать относительно Леонардо да Винчи? Как выгнать лист прокатывать в него эту старую, черную «програму» культминимума. Подробней об этом в предыдущем номере «Смены» рассказывал Мих. Гольдберг.

На год в год работа и комсомольца-модельца все более организовано и планомерно штурмует анкету науки и культуры.

Давно ли бы провозгласили лозунг: «Каждому комсомольцу — среднее образование»? Сейчас он комментарию и является уже не призывом, а конкретным обязательством, выполнение которого требуется от каждого комсомольца.

Сейчас в отдельных комсомольских организациях разрабатывают культминимум. Это делается согласно решению пленума ЦК. Что же такое культминимум? Как его осуществлять? Как лучше и успешней провести его в жизнь?

Первый вопрос — о сроках.

Возьмем из последней перед нами книги три анкеты Рыбика, 1912 года рождения, комсомолец 3-го разряда, окончив 4 группы. Федоров, 1911 года рождения, тиньковщик 6-го разряда, окончив 6 групп. Андрушнев, 1914 года рождения, заводчик 6-го разряда, оленчик комсомолец. Все они комсомольцы и работают на одном заводе. Ясно, что сроки для овладения средним образованием потребуются для них разные и что для Рыбикова он будет гораздо больше, нежели для Андрушневца.

Нам кажется, что для комсомольцев, окончивших семилетку, слуху культминимума можно

существовать уже в ближайшее время. Это не будет, разумеется, исчерпывающим ответом комсомольца на все предъявляемые к нему требования. Правильней, пожалуй, будет говорить о начале, о первом этапе большой, серьезной и длительной работы.

Практика, несомненно, подсказывает наилучшие, наиболее «доходчивые» и совершенные формы овладения общекультурными знаниями и навыками. Предложения, которые мы выносим этой статье на обсуждение, намекают, понятие, лишь одно из возможных вариантов, подлежащих дальнейшей разработке и проверке.

II

Вопрос: «Кто такой Дарвин?» Ответ: «Ученый-биолог». Ответ по существу правилен, по форме безграмотен. Ответил выстроившийся 4-го разряда, комсомолец, обладающий средним образованием.

Грамотно изложить анкету, грамотно составить ее вопросы, грамотно, без грамматических ошибок, без «болтолов» написать письмо — это одно из основных умений, освоение которого обязательно для каждого следищего культминимума.

Иногда, когда просят написать письмо, используются в чрезмерно большом количестве названия активистами, несколько приходится на ум: а что получалось бы, если бы авторам этих документов дали диктовку?

Диктовка — самый простой, самый доступный и самый наглядный способ установить грамотность человека. И мы считаем совершенно необходимым, чтобы диктовка была включена в программу слухи культминимума.

Может возникнуть вопрос, как правильней диктовать этот организовать. Предлагать ли каждому товарищу в отдельности написать несколько фраз из диктовки, диктуя им сразу целую группу? Испробовать можно, конечно, оба метода. Достоинство первого за них — в его большей общественной гласности. Но это одновременно может быть и недостатком: возможно, некоторые ребята будут считать «слишком торжественной» обстановкой. Тут как и в любом деле важнее всего избежать шаблонности.

Мало быть абсолютно грамотным: надо уметь работать с книгой. Личная библиотечка обязательна для каждого комсомольца.

Но мало быть абсолютно грамотным: культурный человек, культурный строитель социалистического общества, построенного на науке и в науках основанных, должен уметь работать с книгой. В народнопросветских программах по русскому языку для 7-го года обучения в часе прочтения значится: «Иногда составление тезисов прочитанного». Почему бы в порядке культминимума не ввести обязательную — непременно, и побольше! — такую работу и не предельно ее проинспектировать? Таким путем было бы выявлено оладно и синтаксические знания и умение разбираться по существу в прочитанном материале.

Восемнадцатилетний селягр Журавлев, окончивший недавно семилетку, читал «Отец и Мертвые души». Но «в этой нашей стране», «Отец и дитя», «Боля и мир», «Дело Артамоновых» этого покамест еще «не делал». Автора «Горе от ума» он не знает даже по фамилии. А знаменитая с этими книгами так же входит в умственный инвентарь культурного человека, как и знакомство с теорией Дарвина и общее понятие о взаимоотношении сложней системы.

Библиотекари отмечают, что за последние годы у молодежи резко возмощал интерес к классике. Закрепить этот интерес необходимо, а именно в виде составления рекомендательных списков, и устройства специальных вечеров, и последовательной кропотливой работой с читателем. Но помимо всего этого, ознакомление с наиболее выдающимися образцами русской (а частично и иностранной) классической литературы надо также включать в культминимум.

Конечно, список книг, входящих в минимум, должен раздаться некому: ведь ли нужно, чтобы он содержал больше десятка—двадц названий. И обязательно, чтобы в него непременно вошла название выше писаны в первую голову придется считаться с состоянием местной библиотеки. Но необходимо, чтобы Пушкин, Гоголь, Толстой, Горький были основными классиками.

Мы подчеркиваем: во первую прочтении, а если с тем. С читательство классиков — это дело начало ознакомление на уровне «Серп и молот» — дело обстоит сравнительно нелегко. Те же «Мертвые души», например, из 100 чел. читали 76. Служа культминимумом должна повелевать, что именно комсомольцам следует поперлуть из богатейшего источника классика.

В этой области, больше чем в какой бы то ни было другой, совершенно обязательна индивидуализированной подход.

Что значит слать минимум по литературе? Для одного товарища это значит прочитать короткий реферат о той или иной книге. Для другого — написать сочинение. Третьему — исследовать и ответить поставленным вопросам надо помочь рассказать о прочитанном. Не нужно забывать слушателей вопросов, не нужно заставлять литературу, забывать ее в лето такое, что годится лишь для называния «социологического эксперимента».

Эти же прием (реферат, сочинение и т. д.) представляются нам пригодными и для проверки знания истории даже начального уровня и географии. Но, олять-таки, не надо забывать «мудрствований», касающихся конкретную суть исторического процесса, не надо абстрактных, абстрактных «идеологических» заступать борются с не менее абстрактной и неопределенной «буржуазией», не надо упускать за виду, что делают историю живые люди — и не только политические деятели, но и ученые, изобретатели, художники.

III

Только 7 из 100 участников анкеты не вспоминают ни одной газеты. И в то же время лишь 20 чел. из 100 сумели правильно указать местонахождение Гюговица, лишь 11 — местонахождение Халбина. Эти факты приведены в прошлом номере «Смены». Сопоставим их между собой.

Должен быть предоставлен полный простор и личным культурным наклонностям каждого. Надо облегчить молодежи посещение музеев, театров, выставок...

Газета вошла уже в быт молодежи, но читается она — иностранцы телеграммы, по крайней мере — недовольно осмысленно.

Можно врать любой номер газеты и прератить его в своеобразный «спонсор».

Происки германских национал-социалистов в Латве, Голландии, Дании? Где находится их государство? Имеются ли у них общие границы с Германией? Где границы?

Япония наводняет Индию хлопчатобумажными тканями по демпинговым ценам, Англия протестует. Какие взаимоотношения между Англией и Индией? И почему так индифферентно к отношению к Индии промышленники Минчестера?

«Прератить Куабасс во второй Донбасс», — так сказал на XVI партсъезде товарищ Сталин. Как добираться до Куабасса? В каком уголке карты его размещают?

Обеспечить задержание в памяти учащихся основных географических названий и прочие задачи географической карты, — так говорится в недавней резолюции ЦК партии о преподавании географии в школах. Один из ответивших на анкету «Смены», тов. Раузаев, окончил не так давно семилетку, в настоящее время он занимается в техникуме. Но Харбин он переводит в СССР, а Москва отдает Китаю. Что же касается таких городов, как София или Осло, то о них и спрашивать его бесполезно: может, и слышал, но ничего не помнит.

Раузаев — член ВЛКСМ. Разве нельзя организовать его в порядке комсомольской дисциплины учиться перед своей организацией в том, как он знает географию, что он может рассказать об Англии, Франции, Германии, о Союзных штатах Америки, о западных соседях Советского союза, о Китае и Японии? И, наконец, что он может сказать о такой географической «единице», как наша страна, являющаяся одной шестой мировой? Задана культурными задачами Раузаеву отвечать весьма существенный вопрос в его образовании.

Разрешив себе попутно небольшое отступление У нас любят учредить стены всевозможных объявлений. Однажды я увидел у себя на стене карту. Об этом, конечно, нельзя не поговорить.

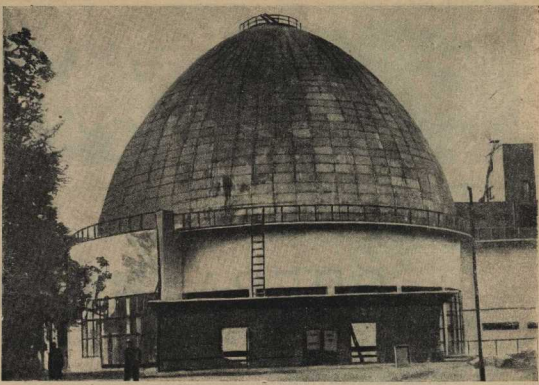
В целях карты Арктики с флажками, отмечающими продвижение наших экспедиций во льдах, являлись крупнейшие представители комсомола — не самый географический азбука.

IV

В нашей статье мы говорили о русском языке, литературе, истории, географии. Это гуманитарный по преимуществу раздел культурничества.

«Приведите статистику и показатели, по которым, что он включает в себя знания и навыки, которыми молодым овладеть все без исключения.

«Надстройка от культуры», вышедшие из-под «Превидия» в основном из молодежи, почитаются, вероятно, приносить руку и к культурничеству. Все, что относится только к культу-

Равно культурный человек не сбивая посылать лангетарий?

чо-массовой работе, они постараются в него вступить, а потом займут одним этим минимумом ограничиться.

Мы в вопросах культуры вообще не «чужаки» и всех под одну гребенку стричь не собираемся. Первоочередная наша задача — дать каждому комсомолу определенную общеобразовательную подготовку. Но для этого не мало воюет все же с нас выдвигаются высокие требования по повышению общекультурной работы, обязательных для всех членов ленинского комсомола, будет иметь место и «интервьюирование», соответствующее труду и на выдвигаются высокие требования отдаленности удовлетворения культурных потребностей. Это не только не возмещается, уважительно «наглядатель», но, предвидя, даже поощряется. Культурничеству, что не сорвет, напротив, выполнение его и будет стимулировать дальнейшее желание культурно расти и обогащаться. И не бойтесь, времени на все это у молодежи зав-

тит: обеспечте ей только возможность пользоваться библиотеками, музеями, театрами, выставками.

Сентимент мы рекомендуем поговорить хотя бы с тов. Суляверим, молодым сыскером с того же завода «Серп и молот». Студент одновременно работает и учится. Но он регулярно посещает театр, оперу, кино, довольно много читает, занимается танцами, хоккеем, футболом, легкой атлетикой, проводит время и для того, чтобы взглянуть в Третьяковский галерею. А вот у работающего на одном заводе с ним товарища Смирнова времени, видимо, не будет: учиться он не учится, знает в библиотеке не берет, а театр не ходит, физкультурой не занимается.

Таких, как Смирнов, среди комсомольцев завладеть не так уже много. Культурничеству должен помочь и Союзникам подняться до уровня Суляверима с Суляверимом да возможность еще раз проверять себя и восполнять имеющиеся у них пробелы.

Б. Иллари

Обсуждено фельетон С. Давыдова «Искусство и жизнь»

ДА, НАМ НУЖНА ВЕЖЛИВОСТЬ!

Утоно устроившись на трибуне, студент Пеховского института Пирожков усиленно убеждал аудиторию, что вежливость — неприятное родное пятно на здоровом теле восходящего класса.

«Почему мы должны относиться к женщине вежливо по особому, если мы равноправны? Что это за мелеобуржуазное мещанство уступать женщине место в трамвае? Мы не должны возмущать старых привычек, смелых великим Октябрьем, — ставшая привычкой ордера, — мы должны ликвидировать остатки капитализма в сознании людей!»

Прочитав в прошлом номере «Смены» «Культуру и жизнь» Давыдова, я несомненно вспомнил про студента Пирожкова. Мы даем от месяца столетия на одну ступень развития автор «Визит и Пирожкова. Автор, несомненно, на много толков выше Пирожкова. Но во многом у них есть и общие черты.

Совсемно правильно автор указывает, что за годы революции изменились наши представления об этике и нормах поведения.

Да, мы утратили много хороших видов качеств, воспитанных в себе повзрослеющей эпохой, но с другой стороны С. Давыдовым. Но с каких это пор мы ставим на путь замалчивания своих недостатков? С каких пор мы, показывая успехи, нецелесообразно относимся к тому плохому, что еще имеется у нас?

Автор «Визит» так и поступает. Он видит недостатки, говорит о них, но относится к ним чрезвычайно легкомысленно и наплевательски. Больше того: он пытается доказать Григорью Давыдову, что грубость в трамваях, фамильярность

в общественных местах, неадекватность в столовой и театре, несумевшие извиниться и прочие признаки некультурности — судьи пустяки.

Непонятно, почему автор так недолюбит Григория Давыдова, которого корюбит то, что парнишка ордулет поном на шпидерке с таким усердием, что куски картофеля и брызги соуса летят на шляпке. Совершенно непонятно, почему автор не видит ничего порочного в том, что «запознать» нас грубы в трамваях, поездах и в кассовом. Тем более, что автор сам говорит: «Вежливость — главное органическое для пролетарского государства, чем для любой буржуазной страны с ее старушачьим хором».

Почему мы должны так же спешно переносить грубость и невежливость в быту? Что будет худого в том, если мы будем аккуратно посещать парикмахерскую, благодарить за товарищескую услугу, являться за то, что толкнули на улице?

Автор «Визит» хочет жить и быть вежливым «без умелых правил». Он хочет жить так, как диктует «здоровый смысл». Напрасно автор не хочет искать в «умелых правилах» крупную пометку, которые могут помочь нам в борьбе за нового человека. Написано он целиком и полностью полагается на «здоровый смысл». Ведь и Пирожков, убежденный в том, что вежливое отношение к женщине — перенаток капитализма, также руководствуется своим здравым смыслом.

Часть писма автора Григорью Давыдову дезорганизует молодежь, отвлекает ее от борьбы с грубостью. А мы все же склонны думать, что при социализме грубость вряд ли будет расцениваться как положительное качество.

Зря автор обижался на старого инженера Григория Давыдова, который хочет, чтобы культура была не только показной, внешней, но чтобы она была в крови.

Понимаю, почему авторного не будет в том, если парнишка в оперное по-челому почитает у «известного» на заводе ворчуна и чистюли Григория Давыдовича. В дополнение и тем же самым качеством, которые проборфа парнишка на совхозном стелесном производстве, это будет совсем невинным.

В индустриальных отдалках, полученных на мой очер «Встреча» («Комсомольская правда» от 13 февраля), студенты, молодые слесарица, рабочая молодежь очень большое место уделяют вопросам вежливости. Они привносят сотни фактов грубости в быту, между товарищами, во отношению к женщине. И самый тревожащее состоит в том, что эти явления часто происходят незамеченными. Среди определенной части студенчества вежливость отныне читает им же молчаливым.

То, что люди живут, говорят об этом, — факт весьма похвальный и отрядный. Он показывает, что среди широких масс молодежи назревает вполне законный и здоровый протест против грубости. Да и вполне понятно: прекращая, распространяя, сыпавшая лавиной, во имя которой строится социалистическое общество, вряд ли совместима с дружелюбием между людьми. Поддерживать нужию растущую активность молодежи в борьбе за вежливость в быту, за культурное поведение в столовой, за ордентый костюм, а не превращать это в пустяки, на которые можно не обращать внимания, как это явствует из всей сути «Культуры и жизни».

Заключительная сцена первого акта «Кармен» (в постановке Ленинградского малого оперного театра).

Проф. Е. Буауд
всудженный деятель искусства

НАШИ ЛЮБИМЫЕ СПЕКТАКЛИ

ОПЕРА „КАРМЕН“

Статье профессора Евг. Буауд об опере «Кармен» «Смена» откликается цикл статей о любимых спектаклях рабочей молодежи.

Проведении классического репертура не сходит со сцены наших театров. «Кармен» в прошедшем театральном сезоне ставился 158 раз в Свердловске, Самаре, Ростове на Дону, Новосибирске и Иркутске. В Москве и Ленинграде «Кармен» танце не сходит с репертура и собирает неизменно полные сборы. О русском успехе пользуются также оперы Чайковского «Евгений Онегин» и «Пиковая дама», опера Вюди «Риголетто», опера Гуно «Фауст» и др.

В драматических театрах с огромным успехом идут пьесы Горького «Борь Бульчев и др.», «На дне», драмы Шмелера «Наша любовь» и «Разбойники», пьесы Островского «Без вины виноватые», Грибоедова «Горе от ума» и др.

Статьи цикла «Наши любимые спектакли» дадут историко-литературную канцелярию всех этих классических образцов. Читатель найдет в них оценку интересующих его произведений как со стороны содержания, так и со стороны эстетической. Статьи должны помочь нашим читателям в овладении ценностями старой культуры, к чему призывает комсомолец В. И. Ленин.

Шестидесят лет назад французский композитор Жюль Бизе закончил свою работу над оперой «Кармен». За эти шестидесят лет изредка не было новых оперных произведений. Изменились требования и вкусы. Нарядилось, говоря словами Пушкина, «слабым мелодом, незвонкою» — космополюской и робкой слушатель, предвещающее ныне требования к оперному зрителю чем та аудитория, которой впервые показана была «Кармен». И, тем не менее, «Кармен» продолжает оставаться самой популярной и любимой оперой среди широких масс.

Когда говорю о Жюлье Бизе (1838—1875), величайшем французском композиторе XIX в., вспоминаю и другое, прославившее в истории французского искусства имя этого человека Мериме, который за тридцать лет до создания оперы Бизе опубликовал свою повесть «Кармен». В этой повести Мериме описал жизнь испанских проститутки и испанского ампонирометрианта — цыгана. Оставаясь в рамках реалистического повествования, Мериме описал трагедию любви тогдашних «виноз», отдающихся со всей пылостью своих сил страсти. Мериме как романтик слабая, однако, идеалистический вывод из своих правдивых жизненных наблюдений. Основной мыслью повести Мериме является его убеждение в трагической, роковой силе любви. Это романтическое воззрение перенесено было составителями текста Мельяком и Галевяи в оперу. Вот это как раз и послужило причиной неадекватного истолкования оперы. О «Кармен» говорили не как о предостережении, непосредственно рождающем народный гад, а как о трагическом спектакле, где роковая сила любви определяет весь ход событий. В таком романтическом духе поставлена была «Кармен» в оперной студии Немировича-Данченко и в Свердловском государственном оперном театре (постановщик В. Доссеин). Такое толкование лирико-романтического Мериме, но идет вперед с жизнью, легко замалчивается, внешне-правильной музыкой Бизе, в которой совершенно преодолены романтно-идеалистические установки Проспера Мериме. Именно благодаря этим своим качествам опера «Кармен» сделалась массовой и особенно близкой советскому слушателю.

Появление «Кармен» говорило о начале сильной реалистической струи в оперном театре. С решительностью и энергией Бизе сразу повала с аристократическими, феодальными традициями большой оперы, поражающей главным образом блестящим и парадной изысканностью. Мелодии «Кармен» вырвались из плена развлекочных театральных зал и сделались достоянием ушей масс. Эти мелодии можно теперь услышать и на гармонии и на балалайке. Многие образцы речи из «Кармен» так же вошли в быт как отдельные выражения и фразы Мольера, Грибоедова, Гоголя.

В оценке «Кармен» раньше всего необходимо по-

ставить вопрос об удивительнейшем музыкальном мастерстве Бизе.

Еще недавно наша критика в силу своих левых заблуждений как-то избегала говорить о музыке даже тогда, когда дело шло о таком музыкальном произведении, каким является, например, опера. Говорим о тексте, об акте, но как-то мало обращали внимания на музыкальные средства оформления, забывая, что идеология композитора выражается именно в выборе этих средств, которые своим сочетанием воздействуют на слушателя, давая ему ту как нию зарядку.

«Кармен» принадлежит к числу лучших классических образцов. Эта опера представляет собой высокохудожественный материал, на котором исполнители могут показать жизнь, являющуюся из самой гущи жизни фигуры. Вопреки романтическим тенденциям своего времени, теснейшим, трезовым прикрывания жизни и податливым фактам, Бизе с риском позволить зрителю показать жизнь приращенную драму на языке простой массы. И несмотря на такую близость сюжета опера «Кармен», по верному замечанию А. Луначарского, «разреклам блуждающей пудрой розой», «са прозрачная, все правдивая и в то же время мело-

драматически ситуатива. Жизнь доведена в музыке Бизе до ослепительного сверкания».

Несомненно, что благодаря своему музыкальному оформлению отделение просвящен «Кармен» выразилось и в том, что так глубоко как всегиперные образы драматической литературы.

Самая переработка носила Бизе была была весьма ориентирована на слушателя (т. е. составителя текста) Мельяком и Галевяи в духе соинтернетальной нравственности французской драматургии вывод «общественного условности». Тогда переработка рискована была на вкусы тогдашнего буржуазного аристократа, только что разгромившего Парижскую коммуны. Первые постановщики оперы сделали из Кармен развратную проститутку, а создатель Хоме привнес в оперу, чтобы привлечь аудиторию к пониманию тогдашнего общества.

Тем же менее премьеры «Кармен», состоявшаяся 3 марта 1875 г. в парижской Комической опере, закончилась скандалом. Критика обрушилась на Бизе. Вот что писал один из известных тогда театральных писателей, полностью выходя из отношения французского буржуа 70-х годов к опере:

«Кармен, героиня Альфрета Мельяка и Галевяи (у обоих авторов мало воображения), — всего-навсе-

«Кармен», второй акт.

го бесстыдная женщина, ищущая отвратительную роль на сцене, до сих пор вызывавшую в нас чувства морального осуждения матери, почитаемой отца с матерью и традиция, им проявил своих дочерей и своих жен, чтобы доставить им приличное, достойное вечернее развлечение. Что испытывал я при виде этой проститутки, которая из обитой вышиванки мужов переоделась в обитую драгуну, от драгунки к торсадору, пока выжила покинутого альфонса и пережидает ее позорной жизни? Эта отвратительная роль, с позволения сказать, преключительный довод исподвеса задала Галаи Марии с реальной мимикой и движениями, которые не помогали нам забыть плохого театра артистки. Безобразная, бессмысленная музыка оперы как раз соответствовала тому, чего мы ждали от Жоржа Бизе.

Такой отказ, конечно, немалым в наши дни. История оправдала как самого Бизе, так и одну из замечательных исполнительниц роли Кармен, Галаи Марии, певшую на премьере. Социальная правдивость музыки Бизе, его тесное соучастие к Кармен — вот то, что нас привлекает в первую очередь к этой опере.

Мы хорошо знаем биографию Жоржа Бизе. Было бы чрезвычайно и вульгаризировать считать его сторонником Парижской коммуны. Но, тем не менее, воздействие больших политических событий, свидетелем которых был Бизе, безусловно, повлияло на его творчество. Это не исключает возможности правильно понять характер Кармен, женщин сильных страстей, ярких переживаний, захваченной тисками капиталистического города.

Удача музыкальных характеристик Кармен заключается в том, что для построения этого образа Бизе с замечательным мастерством использовал мелодию испанских песен и народных танцев. Музыка этот не была использована им с точки зрения любовного творчества эстетов. Здесь богатый ритм, подвижность, мелодическая выразительность взяты в полное соответствие с позаном различных песенкашан Кармен. Вот почему этот образ получился таким волюнтаризмом, ярким и сильным. Пусть идея жертвы жизни за свободу любви есть сама по себе идея меканобуржуазного индивидуализма. Но Кармен приносит с собой в этот мир гонимых и песнях обаяние народного творчества многих поколений. В этом отношении эта опера — действительно неслыханное явление, а фигура Кармен должна быть поставлена наряду с фигурами шекспировских великих образов.

Так же реально даны и две другие основные фигуры оперы: Хозе и Эскамильо. Хозе — это типичный крестьянин, честный, простодушный, но выходящий за пределы своего социального влечения к Кармен. Его характеризуют и психологические черты собственного, не могущего отказаться от своей женщины, которую он любит. Именно эта несвобождение, преодолевать которую невозможно, приводит к заключительной катастрофе. Торсадор Эскамильо — порождение большого капиталистического города. По существу своему это избалованный альфонс трубки, сластолюб и глубоко эгоистический человек. Бизе сопровождает его появление внешне блестящей, но трескучей и примитивной темой. В ней нет и следа той теплоты, какой в музыкальном отношении окружена Кармен.

Замечательно, что в этой опере нет изобретения в отделе формы персонажей. Каждая фигура, как например в опере Цунига или Минада, типичная французская женщина, жеманная, обаятельная и дерзкая, или даже контрабандист Ренегадо и Даньяро, — все это живые люди, говорящие характерными для каждого из них музыкальным языком и определяющие выражающие своим индивидуальностью и борющиеся в опере классическим группировкам (офицеры, торсадор, с одной стороны, крестьяне, работницы, люмпен-пролетариат — с другой).

Впервые общепринятому мнению надо сказать, что текст Меленка и Галави изначально имеет музыкальный опер. Творческая фантазия Бизе необычайного свежести и непосредственности. Общих мот, сентиментальности и поэтики за чисто эстетических эффектами в его музыке совершенно нет. Самыми скромными средствами, ничтожными даже по сравнению с музыкальными возможностями его предшественников учители, Бизе достигает слабойшей музыкально-драматической выразительности. В пользовании традиционными ритмами он проявляет блестящую изобретательность, превосходящую то, что известно в опере. Вот почему так удивительно, что еще до сих пор и еще долго будет удивлять нас музыкальным наследием как знатоков музыки, так и тех, кто впервые попадает в оперный театр. Освоение этого блестящего образа музыкального искусства является трудным и важным делом для каждого комсомолец. Кармен Бизе надо так же знать как «Ревизора» Гоголя, «Гамлет» Шекспира, «Дале от ума» Грибоедова, «Коварство и любовь» Шамлера.

М. Фойервич

П. Панчино

ЛЮБЛЮ ИМЬ ОВАРИЩ

Посв. В. Стрелченко

Что ни слово у тебя.

То гладыш...

Ты сказала:

— Подчас бываю грубом

Оттого,

Что все прошла как вьюгом:

Воду,

И огонь.

И трубы.

И с себя снимаю эту рубаху.

Ты, теперь один из самых первых.

Но всегда умешь удержать

С десятка лет задержавшихся нервов.

Ты мне люб и так!

Тайком, тайком

Я смиряла сердца перебои,

Бес, что возмущало нас обоих.

В комнате

С высоким потолком

Ты стоишь

Выдвигаясь вперед.

Но когда мне руку вторых

Подасшь

Не чувствуешь утраты —

Это значит —

С винтами опыта

Просидишь до самого утра ты.

Ты

Соородоточено суров.

Мелким для отчета форму.

Лаской своих профессоров

Подиряешь стую цифр

И форму.

И, как шесть тому вазал.

Память пробужь:

Достаточно остро ли?

С карт закатанных перекажет азарт —

В карты казачьи мастрасть.

Ты не слышишь матвина бег.

Но дивнее каждао

Твое он

Всичаю.

И с графиком побед

Дать не просто прозрит —

Отвояли!

Пусть еще не стажили счастья

Прошлою —

Ему уж не вернутся.

Но мне станет грустно.

Безы ты

От меня захочешь

Отвернуться.

Мы ходили с тобой по Москве,
И носы в сады брызгали.
Ты следила мальчишек в аэрации амьсте.
Я собирал для детей каштанов.
Было столько меж нами тепла.
Словно зима и тебя тогда-то...
Плыви над нами колокола, аскала
Первая звездачка стратата.
Современники много раскрывали рта,
Были немые промоче песни:
Эта звездачка никогда не исходит,
Никогда не оставит своей высоты
Над прошлым и будущим (я и ты
Сидели в разлукой-тихих беседе!).
Нет, не сидели — шли и росли,
Росли без оглядки, наперерогости.
И, словно мы вчера вздохом, несали,
Гудели барачные перепоны...
Рубашки сузились... Где-то у изги
Сквозили — иррегулярно — трамвай, автомобиль...
Где-то — послушно — грозы, трубы...
Со всех сторон и со всех дорог
Совсем как люди с другой планеты
Товарищи звали, о чем-то кричали,
Вдыхали воздух, вышедший работай нагретый!
Но это было потом, а выжила
Хотелось быть... нет, хотелось пить
Самой горячей, куваченой жидкой.
Мы же знали, как с жлобом поступить:
Подставив рот — и выжила как жидкой.
Мы долго буждали с тобой по Москве...
А после в поселке, на Малых Кошках
(Февра набудавших в цементных бочках!)
Ты расхичана малючком на носке,
Какая на карачухе — жомы смехом
(Шумите, шумите, жом каштанов!)
Вышла чаю — и был таков...
Огромный как дерево. Неустойчивый,
Как рай для голубов и для цыган,
Жуку трава, а ева... как треснет!
Такими руками делают все:
Домы, парочки, непопулярные песни.
Мосты и забучено волосом...
Собираешь и дивною. Все как надо:
Ничего, ступая стогаи руб;
Мой товарищ с первого вала
Выбрал распухающую в свой взгляд...
Утрами, засучив рукава,
Идеи он и думает на ходу.
Высоко над миром стоит Москва;
Шаги раздвоятся...
Да, это я мул...

Еп. Холдина

КУНЛА КАЛЕДИНА

...Заря, дотора, не тухла...

Окури на грязном пау...

Я пою:

Куравую куку

Кунла мис Каледина в тлау.

Я пою:

Густые туманы

И теплой станицы траву...

Сказал:

«Вспомини атамана,

Которого яврем алути!»

Нас горько, суровой и тонкой.

Морщина злоба легла.

Годка шестилетней девочкой

Я много понять не могас...

Луч солнца пробрался сквозь щелк.

На зайчика

Щуриса гав...

И все же понавал:

О расстрел
Калединим отлан прыкал...
Искрился лунчиные дали,
И ветер шивал на реке.
Я пою:
Отца расстреляли
С ливтовой, зажатой в руке...
... Заря,
дотора, потухла...
И ветер суслился на изги...
И долго топтал я куку,
Что да мис Каледина в тлау...
В казую-нибуду пятилатку.
В разгаре последней войны,
Я тоже пойдю на разведку,
За дело Советской страны.
И будет лунчиные дали
И ветер на тепловой реке,
И, может, меня расстреляют
С ливтовой, зажатой в руке!

Пастух Костя (вместе с своими подпасками).

Мах. Долгополов

ЧТО МЫ УВИДИМ НА ЭКРАНЕ

ВЕСЕЛЫЕ РЕБЯТА

«Диазкомедия»

«Жизнь хороша, и жить хорошо!» Эти слова В. Маяковского как нельзя лучше характеризуют оптимистическое и бодрое отношение трудящихся страны советам к жизни. Уже давно зрители требуют от кино создания таких фильмов, которые в веселой и занимательной форме отражали бы их жизнерадостные, дававшие бы зрительно зарядку веселья и смеха.

Однако наши киномастера оставались равнодушными к этим требованиям массового зрителя, сосредоточенно идя каламбурной работе и поискам в области комедийного жанра. В пылу своих ожесточенных споров «о смехе и проблеме смехового в кино» они, видимо, забыли о том, что посетителям советских кинотеатров не станет веселее от отсутствия комедий на экране.

Поэтому, когда молодой талантливый кинорежиссер Г. В. Александров в начале этого года начал свою работу над звуковой «Диазкомедией», его также волновали в первую очередь споры и дискуссии.

Долго шли споры о «Диазкомедии», о том, что она еще развешивает проблемы советского смеха, что она лишь суммирует достижения буржуазной, в частности американской комедии, и т. п. Режиссер сдал с одного киносеанса на другое, прислушиваясь, отечал, возражал.

Вероятно, этот спор продолжался бы еще и по сей день, и сейчас вместо озвучивания уже законченной вещи Г. В. Александров все еще давал бы различные пояснения. Но обе стороны устояли от дискуссий, и группа, наконец, получила возможность провоздвигать фильм.

И действительно, «Диазкомедия» не претендует ни на какие новые открытия: это комедия доказательств, целиком построенная на советском материале, в условиях советской действительности. Ее цель — вызвать улыбку, а порой и смех. Строится она на оптимистическом сочетании с простой и доходчивой музыкой, пропозана мелодичными жизнерадостными, легко запоминающимися песнями, которые, несомненно, подымают зрителя.

Действие в картине происходит на кинотеатровской сцене, то на пляже в Гаграх, то на улицах Москвы, в Мюзик-холле, в Большом театре. В основу сюжета взята незавершенная история пастуха Кости Потехина, который после ряда веселых приключений становится известным директором. Параллельно комедия рассказывает о комаровнице Анюте, любящей профессору на профессию артистки.

По ходу развития действия его герои попадают в комедийные положения, в него вводится музыкальная интерлюдия в эскадрильях номерных ра.

Таким образом во всех «выкрутасов», в понятной, веселой и легкой форме режиссер картины стремится показать, что в условиях напряженной работы, в которых ведется социалистическое строительство, живет весело и бодро. И бодрость и веселость — основные настроения, которые должна дать «Диазкомедия». Эта картина является своеобразным кинорежиссерским обзором.

Г. В. Александров в бытность свою в Америке с С. М. Эйзенштейном много видел и изучал новейшие технические достижения американского кино. И в своей работе над «Диазкомедией» он впервые в Советском союзе применил некоторые из этих

Юртовый дьяв (арт. Н. Стрейков).

интереснейших нововведений: транспарантную и комбинированную с сценкой. Не асыкая на павильонах фабрики, Г. В. Александров и его оператор В. Нильсен снимают любые сцены на площадке в Гаграх, ночью под звездами при луне, влюбленные московские площади, сцену и зал Большого театра, несуществующий огромный мостик, и многие другие, требующиеся по ходу действия эпизоды.

Все это достигнуто применением метода транспарантной сценки. Сущность его заключается в том, что на готовый кусок фильма с ранее снятым определенным сюжетным фоном (море, горы, поля, улица, артельный зал) можно доснять любых действующих лиц и любых декораций и трюковых моменты.

Сама техника транспарантной сценки в общем несложна. Готовый кусок позитива с воздушным фоном окрашивается в красный цвет по особой рецептуре. Окрашенный позитив зажимается в специальный аппарат вместе с негативной пленкой. В павильоне, где производится съемка, устанавливается большой синий экран, который освещается тоже красным светом. Между синим фоном и киноаппаратом помещается объект, который нужно заснять.

Этот объект (актер, декорация) дает самостоятельное изображение на негативе, так как красные лучи свободно проникают через позитив, окрашенный в красный цвет. Все окружение объекта, имеющееся уже на позитиве (горы, море, улица и т. д.), создается на фоне синего экрана, также дает негативное изображение, совмещенное с объектом.

Транспарантная съемка дает огромную эпизодичность: сокращает расходы на постройку сложных декораций, уничтожает необходимость посылки дорогостоящих актеров и т. п. Актер может быть снят в гаграх, Памире, во Альпах Арктики, в раскаленных песках Кара-Кума, на крыше сорвавшегося небоскреба — словом, всюду, где этого потребуют замесы сценариста и режиссера.

Такой способ съемки особенно незаменим при производстве трюковых и фантастических картин.

«Человек, свесившись от преслававшего злодея, бежит по крышке небоскреба, каждый шаг рискуя сорваться и полететь на мостовую. Внизу видна улица с проезжающими по ней автомобилями, толпой равнодушной публики, спешащей со своим делом...»

Зрители с завиранием сердца следят за всеми приключениями смельчака и, наконец, сполноны вглядевшись, когда он с ослепительным обаянием на телеграфной проволоке перебирается на противоположный дом...»

Эти и тысячи им подобных трюков

Снято по транспарантному методу

(сверху вниз)

Над сценой зрительным залом Большого театра; выступление артистов, снято в транспарантном цвете на фоне надписи со зрительным залом Большого театра; над, который артист увидит на экране.

в американских фильмах, щекочущий нервы зрителей, сполноны снимается в павильонах кинофабрики по методу транспарантной сценки без всякого риска для жизни актера.

По ходу действия «Диазкомедии» также же сполноны снимались эпизоды у Большого театра и на его сцене.

Работница Анюта (арт. Д. Орлов).

комбинированное сочетание: сначала снималась сцена Музык-холла с макетной подставкой, затем через сопитив этой сцене досада дошла до зрителей. В результате на экране зритель увидит кадры обычного театрального зала и сцены, съемка которых в других условиях потребовала бы сооружения грандиозных дорожных декораций.

Большин трудом стоило провести съемку многочисленных животных, участвующих в «Диазкомедии». Приходилось приучать их к яркому, ослепительному свету галогеновых «солнц», провлекать массу выдумки и терпения, чтобы добиться требуемых результатов. Но образцовая и ударная сменная группа Г. В. Александрова добилась и здесь больших успехов. Нередко ассистент режиссера И. Симков становился адресом прощаний, заставляя своих четвероногих «сартатов» испытывать уважения режиссера и оператора. Трудно, например, вызвать улыбку у огромного быка «Мишка» в тонну весом. «Мишка» вовсе не до съемки, и поэтому он не охотно склонен исполнять капризы режиссера. Но появляется И. Симков и резновым баллоном в мордочку «Мишки» дукает порцию увлажненного табаку, «Мишка» чихает, и оператор В. Нильсен снимает ослеп зуб, который на экране будет выглядеть как улыбка.

Пастух Кости (артист Леонид Утесов) на палке обводит в лобовом демаршах Аяуте (артистка А. Орлова). Эта сцена снимается как и многие другие в павильоне на фоне ранее заснятого тагурского пейзажа. Но как дуть здесь, в Москве, на Потемках, тихий прибор воли, как бы аккомпанирующей этой ступе лирической сцене? И здесь начинается область ассистента-музыканта Вала и Лодыгина. Вал равномерно вертит ручку большого барабана, в котором перемешаны сухие листья с маленькими хансишками, издающими характерные шуршащие звуки. В кино зритель получит полную иллюзию морского прибоя. Точно так же Вал со своими шумовиками при помощи гороха и листа жести изобразит шум проливающего дождя, цокание копыт лошади и массу различных звуков, требующихся для оформления «Диазкомедии».

Можно было бы рассказать еще о многих занятных моментах из практики работы группы Г. В. Александрова, притворив завету как «кулисы» кинопроизводства. Чем лучше организована вся подготовительная работа к съемке, чем больше проведена трудовых мерных ренетий, тем слаженнее и высококачественнее получится фильм. Зритель следит в кино театре и не подозревает о тех усилиях, которые порой затрачивает весь съемочный коллектив для получения того или иного из вид простого и легкого эффекта.

Впрочем, наши зрители в скором времени сами смогут отведать должное работе режиссера Г. В. Александрова и его коллектива.

Веселая, эксцентриская «Диазкомедия» в ближайшее время выйдет на экран.

Надры из «Веселых работ» (сверху вниз):

Урок музыки у старого учителя.

Стадо Кости, вбравшись на дачу, поедает ужи, приготовленный для гостей.

Выступление веселых «фанельщиков».

Массовая сцена в Большом театре (съемка на открытой площадке на фанельщиках).

Съемка по транспарантному методу

(сверху вниз)

Надры дной лестницы в Гатчине, снятой во время антракта пастуха Кости (Л. Утесов) играет на свирели (съемка в транспарантном кино на фоне предыдущего кадра), надры, который зритель увидит на экране.

где якобы выступали участники фильма—музыканты «веселые фанельщики». А на самом деле оператор брал пленку с видом Большого театра, затем куском из хроника с его зрительным залом и доснимал на них все необходимо по сюжету моменты.

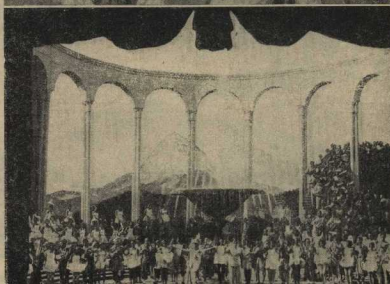
Итак, например, для картины требовалось снять проезд поезда, под проливным дождем, бешено мчащегося поохоронного катафалка. Технически это сделать почти невозможно, даже если вывести на улицу огромное количество осветительной аппаратуры.

Тогда на помощь приходит транспарантная съемка. Дием оператор В. Нильсен со своим помощником выезжают на маленьком грузовике и снимают воздушные кадры, по которым должен проезжать катафалк. Эти кадры затем вместе с пленкой негатива заархивуют в киноаппарат, и начинается транспарантная съемка.

Катафалк ставится перед своим экраном, но проваливается на домкраты, чтобы его колеса вертелось в воздухе. Сверху устанавливается опрыскиватель, обильно поливающий водой артистов, находящиеся на катафалке. Залуженный пропеллер маленького самолета создаст иллюзию сильного ветра, развевającego пласты артистов, сравняющего с них головные уборы.

В итоге на пленку заснят катафалк, мчащийся под настоящим проливным дождем, и зритель услышит цокот колес и шум сильного дождя.

Интересной была также съемка «юны в Музык-холле». Здесь в качестве транспарантного фона был использован панорама комбинированной сценки сцены Музык-холла с макетом. И впервые в истории операторской техники удалось получить двойное

ИСПРАВЛЕНИЕ ПРИРОДЫ

ОРОШЕНИЕ ЗАВОЛЖЬЯ

I

Знаете ли вы, что такое засуха?

Нелюбимы, месиды обезумевшего солнца не скрывают с неба. Трещины покрывают засыхающую землю. Голые, ашеровые облака, выцветает небо.

Осыпавшиеся налившиеся колосья, и стебли их აღамаются точно стеклянные. Желтеет трава. Изменяются реки, обильная дна. «Красный петух» гуляет по лесам. Оцепенелое ожидание нависает над землей.

Вечерами жалобно мычат скот. А вьюча наведя, да закрадывается в опустошенные сердца людей. Но утром в пыльном, сырковом мареве снова встает над полями восполненное солнце. Огромным, изумленным гербарием лежат поля...

Наступала засуха, и тревожный звон колоколов разнесился над опьяненным временем. На проселочные дорожки везоком тогда строили лужи метельных ботов. Желтые вихри кружили над замершей землей. Однажды, растерянный человек-собственный падал на колени и моил по иссохшей, пыльной дорожке. А впереди колыхалась на высоте шесть поволоченные луга светы... Удивительны и страшны воспоминания об этом.

«Эти бедствия старой России неизбежно должны были перевестись и на нас, потому что единственный выход из этого может быть только в восстановлении производственных сил, но не на старой, пендической, меловой основе, а на основе крупной промышленности и электрификации». Так писал Ленин по поводу засухи 1921 г. в Поволжье. Эти слова Ильича и лежат в основу разработанного уже

проекта ирригации Заволжья — величайшей поправки к природе, задуманной большевиками.

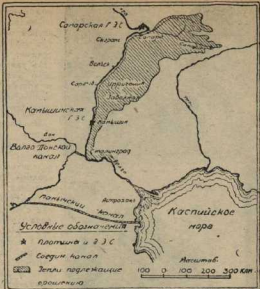
II

Если взглянуть на карту, весь район орошения Заволжья лежит сплошным массивом. Он протянулся вдоль Волги с североюгола на югозапад, захватывая площадь примерно в 10 млн. га. Специальней сказать бы, что Заволжье — равнина со слабым рельефом, который нарушают местами овраги, балки, долины рек. Постепенно понижаясь, оно переходит на юге в Арало-Каспийскую низменность.

Самые различные почвы встречаются здесь: серые, лесные земли — переходная ступень от черноземов к подзолистым почвам; тучные черноземы, богатые перегноем; темнокантановые почвы, приближающиеся к южным черноземам; солончи, содержащие значительное количество натрия... Характер и распределение почв как бы очерчивают границы возможной ирригации Заволжья. На севере эти границы упираются в подзолистые почвы, не нуждающиеся в орошении, на юге же — в сильно просоленные почвы Каспийской низменности, орошение которых сложно и невыгодно.

Сибиряк, приехавший в Заволжье зимой, не почувствовал бы разницы в влажности на севере здесь бывают морозы в 43°. Зато и житейль Ташкента, погнав сюда летом, не испытал бы большого облегчения: максимальная температура на юге Заволжья 43° тепла.

Зимы здесь суровы и устойчивы. Оттепели редки. Снег выпадает мало. Бурной, короткой весны в две недели становится весь снеговой период. Тогда вздуваются реки и овраги шумят водой.

Проект ирригации Заволжья — величайшая поправка к природе, задуманная большевиками.

Но она еще не успевает глубоко проникнуть в почву, как наступает сушь, горюче лето. Приволжская изменчивость, этот гигантский резервуар солнечной радиации, является помехой тепла для всей Европы. Отсюда мощные тепловые потоки устремляются в Заволжье, вызывая колоссальное испарение влаги. Малое количество дождей, происходящих в Заволжье, не может возместить этих потерь. Потрескавшаяся, расклеванная земля мало впитывает воду. Но еще не успеет она достаточно пропитать почву, как солнце — настоящее солнце Заволжья — выжигает ее обратно, оставляя обманутый земле выдохом соли. Вот этот небалансированный природой прилив и расход влаги и служит для Заволжья источником тяжелых бедствий. В памятный сезон 1921 год засушливая земля Заволжья отдала на севере 1200 и на юге 1600 мм влаги, получив за год всего 220 мм.

А иногда в Заволжье дует сухой — страшный ветер, рожденный в пустынях Средней Азии. Он несет с собой иссушающее движение песков. Он не только выжигает травы, сорывает листья, горит хлеб. И все-таки плодородные почвы Заволжья, где солнце щедро до ярости, могут дать стране богатейшие урожаи. Ну разве только вода. Вода!

III

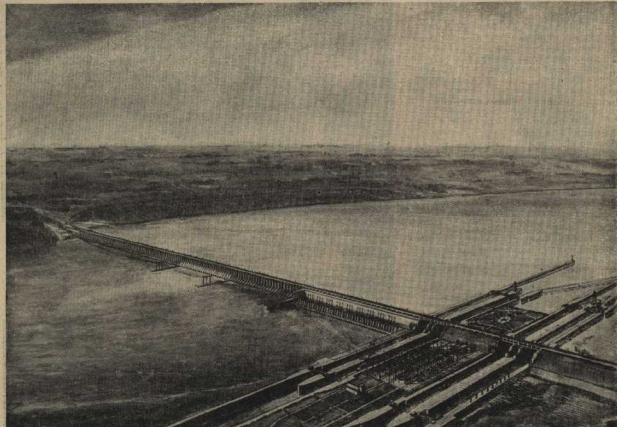
Когда-нибудь историки нашего времени отметят 23 мая 1932 г. как большой день в истории борьбы человека с природой. В этот день правительство Советского союза и Центральный комитет партии большевиков вынесла решение об осуществлении засухи в районах Заволжья и организации в Заволжье устойчивой пшеничной базы с валовым производством в 300 млн. пудов пшеницы...

Армия гидрологов, топографов, агрономов, инженеров, геологов, агрономов двинулась вскоре на разведку. Протяженной была программа: рельеф Волги, рельеф местности, значения геодезические пунктов, климатические условия... В результате огромной работы, продолженной за последние два года, создан проект ирригации Заволжья. Создан он под непосредственным руководством человека, которого знает уже вся страна. Это академик Александров, проектировавший Днепростр.

«Англикан-мурец, Чтоб в работе помочь, Изобрел за машинку машину.»

Так и вели когда-то за старой, буржуйской Волгой. В 1932 г. «англикан-мурец» заочувствительней системы самой мощной ирригационной системы мира: «Любля Барражи на реке Инд в Индии. Эта система орошает 2,5 млн. га. Но из них впервые подвоткнуто орошено всего 1300 тыс. га.

Проект ирригации Заволжья, захватывая площадь в 10 млн. га,

Мощные гидротехнические сооружения Камышинской ГЭС перегородят Волгу, длина их достигнет почти 4 километров.

должен дать стране 4 млн. га (нетто) орошенной площади. Осуществление этого проекта будет важнейшей работой нашей страны.

Естественный уровень воды Волги у Камыша имеет отметку в 25 м над уровнем моря. У Камыша — всего 4 м. А 64% орошаемой площади расположено на высоте 80 — 100 м. Остальные 26% — еще выше. Таким образом, огромные массы воды, залегающие на Волге, нужно поднимать на высокие отметки, выносить точки, чтобы, растекаясь отсюда по системе каналов, вода орошала всю сухую землю Заволжья. Для этого нужна энергия. Колоссальное количество энергии! 2 240 000 мегаватт! Чтобы окупить масштаб этой цифры, достаточно сказать, что мощность Днепровца равняется 560 000 киловатт. И Волга, по которой плывет вода, — это ступня рабынской вальцовки. Волга, восточная главная артерия русского торгового капитала, даст нам сейчас необходимо столько энергии.

Геологи исследовали ее берега. Они наводнили Волжские, камышинские, галинские пески, древние аллювиальные образования, зеленовато-серые хозарские галны... Наконец, в 6% км южнее Камышина были обнаружены черные и голубовато-серые осыпи — породы аллювиального типа, состоящие из кварца, гравия гидротехнических сооружений. Долина Волги здесь шириной в 3 км, на них русло реки занимает 1,5. По расчетам «Нижевогоруэлект», здесь будет воздвигнута самая крупная гидротехническая плотина. Рассчитанные выгодами на 120 процентов, она протянется на 1856 м. Плоские металлические шлюзы, закрывая пролеты, будут регулировать проток воды. Во время наводки, когда высокие воды Волги вступят вперёд, смылая все на своем пути, плотина сможет пропустить 57 тыс. кубометров воды в секунду. Запасывая в бетон река даст при полной мощности Камышинской ГЭС 1560 тыс. киловатт энергии. Трехконтурная плотина будет пропускать ежедневно 14 пар пассажирских пароходов и 30 млн. т груза за навигацию. Нефтеналивные суда шлюзоваться не будут. Специальный нефтепровод сможет перебросить через плотину 2 400 тонн нефти в сутки. Такой поток грубого прудуматывает увеличение имеющегося грузооборота Волги в 6 раз. Мощные гидротехнические сооружения переродят Волгу, и алмаз их будет равняться 4 млрд. руб. Огромный огромный озером уцелеет усмирённая Волга.

Камышинское водохранилище, образующее перед плотинной, покроет 588 тыс. га. 170 тыс. человек должны быть переселены в пределах Заволжья, расположенных восточнее Камыша, в Оренбургской, Ульяновской, Саратовской, Энгельсской, Николаевской... На их месте возникнет громадное водное зеркало длиной в 680 км и шириной от 5 до 30 км.

Совестные геологи по-топлиски отнеслись к великой реке Европы. Старая скотарить раскол ее воды, они выдвинули учет долины в три долины и ручьи, выходы подземных вод и весенние паводки. И в результате 367 тыс. га (8% всей орошаемой территории) будут орошаться водомет местного стока.

56 насосных станций подымут волюжскую воду на большие высоты местности. Самая крупная в мире насосная станция Геддеке (в Германии) обладает мощностью в 140 000 киловатт. Заволжская станция Ю-2а будет иметь мощность в 2135 000 киловатт. В мировой практике известны насосные станции такой мощности нет. Целый ряд волюжских насосных станций по своей мощности окажется значительно больше Волжской. Если бы эти станции имели только мощность насосных станций такой мощности нет. Целый ряд волюжских насосных станций по своей мощности окажется значительно больше Волжской. Если бы эти станции имели только мощность насосных станций такой мощности нет. Целый ряд волюжских насосных станций по своей мощности окажется значительно больше Волжской. Если бы эти станции имели только мощность насосных станций такой мощности нет.

Заволжская станция Ю-2а будет иметь мощность в 2135 000 киловатт. В мировой практике известны насосные станции такой мощности нет. Целый ряд волюжских насосных станций по своей мощности окажется значительно больше Волжской. Если бы эти станции имели только мощность насосных станций такой мощности нет. Целый ряд волюжских насосных станций по своей мощности окажется значительно больше Волжской. Если бы эти станции имели только мощность насосных станций такой мощности нет.

Сравнительная мощность (в кВт) крупнейших электростанций мира.

Часть энергии, правда, очень небольшую, затрачивая на поим воды, каковы вернутся обратно. 16 установок, оборудованных на перепелах и сборных крупнейших каналах, соберут 63 000 киловатт энергии.

Невыпадный размах строительных работ в Заволжье невозможно без предельной механизации трудовых процессов, требующей еще до постройки Камышинской ГЭС источника энергии. Камышинская ГЭС как и всякая гидростанция может давать значительные количества энергии, связанные с водным режимом Волги. Нужно дополнительное количество энергии для выравнивания графика ее колебаний. Наконец, чтобы приступить к орошению огромных площадей Заволжья, нужно выстроить какой-то оазис в местах мелиораций. Поэтому в первую очередь заволжского ирригационного строительства войдет орошение всей площади на местном стоке (367 тыс. га) и Чагинского района (670 тыс. га), питающегося водой значительного вышеле Камышинской плотины. Это систему, самую устойчивую хлебоу базу в 1037 тыс. га, не только возможно, но и выгодно пустить в эксплуатацию до постройки гигантского Камышинского узла. Не и здесь, где три четвертой этой территории, нужна энергия для машинного орошения...

Решили возрос топлиго. Они копали, бурили, вытала мочалоу эмамо, и заводили, искомая энергия была найдена. Она дремала глубоко в земле и была спрессована в твердые броме галны. Она называлась торфорин сланинами. Это ископалоуе, но зато дешовое топливо. Разведанные месторождения позволяют установить 4 тепловых электростанции с общей мощностью в 492 тыс. киловатт, достаточной для удовлетворения всех первоначальных нужд строительства.

Не было забыты и Каспийское море. Волга — одна из главных питающих его артерий. Естественно, возник вопрос: как отвести ирригация Заволжья на судье моря? Расчеты показали, что только через 50 — 60 лет, после полного осуществления ирригационной системы Заволжья, уровень моря может понизиться на 1 м. Не такие понижения, достаточные в пределах невоких колебаний Каспия и, очевидно, не сможет отразиться на хозяйстве Каспийского бассейна.

При форсированной, круглогодичной работе в три смены водоем, запас энергии в пяти пятидневных работ возможно в 14 лет. Конечно, отдельные очереди строительства будут вступать в эксплуатацию значительно раньше окончательного срока, ориентировочно установленного на 1948 г.

IV

Что же даст стране осуществление ирригации Заволжья, требующей вместе с постройкой Камышинской ГЭС около 6 млрд. руб.?

Многолетние данные опытных с.-х. станций показывают, что орошаемые земли при проведении

ряда агротехнических мероприятий дадут повышение урожайности для одной пшеницы в 2 1/2 раза и для яровой в 3 раза. Заволжская пшеница по своим качествам считается лучшей пшеницей в мире, она самая высокая и североамериканскую и канадскую. Пшеница и будет ведущей сельскохозяйственной культурой в Заволжье. 300 млн. тудов пшеницы — такой будет устойчивый хлебный фонд страны, не зависящий ни от каких условий природы. 120 млн. тудов кукурузы, 102 млн. тудов сахарной свеклы, несколько сот миллионов тудов кормовых трав, миллионы тудов риса, подсолнуха, ячменя и проса — такая великая годовая продукция основных с.-х. культур, которую смогут дать орошаемые поля Заволжья. Огромные корма позволят развить мощное животноводство, увеличат почти в четыре раза существующее поголовье скота. Ряд районов орошаемого Заволжья специализируется на ведении мясо-молочного, мясо-шерстного, свиноводческого и овцеводческого хозяйства. Огромный выход сельскохозяйственной продукции и наличие энергетической базы послужат фундаментом для создания мощного центра пищевой индустрии. Мукомольные, малярно-дощечные, сахарные, мясообработывающие заводы, парусный и Заволжский. В своем развитии пищевой индустрии потребует развития специальной машиностроительной и строительной индустрии, могущей обеспечить необходимым оборудованием и строительными материалами растущие производства края. Сеть новых железных дорог и подводящих путей покроет Заволжье. Пролет прудуматрует сеть железнодорожной сети с 1589 км до 3737. В развитии пищевых ресурсов страны Заволжскому должно сыграть такую же роль, как создание Урало-Кубасского комбината, уже рожденного волею большевиков, для роста нашей тяжелой промышленности.

11 147 млн. руб. — такова сумма всех капитальных вложений (с учетом ассигнов на Камышинский узел сооружений: ГЭС, ряда заводов — и на ирригацию), необходимых, чтобы Заволжье стало таким, каким мы его наришаем.

В отличие от капиталистических индустрий и сельского хозяйства наша социалистическая индустрия непроизводственно влезет сейчас же на рост благосостояния всех трудящихся. Мы только напомним, что нам не придется ждать иштыно в паровозных топках и тонить снег в Каспийском море!

На большевистский план есть не только предвидение, но и организация будущего. Потому ее раскрывающая лами имеет солидную аргументацию в экономических таблицах, ирригационных сметах, сложных расчетах, тысячах и сотнях тысяч цифр, описывающих тотальную подмену человеку с его новыми формами социалистического труда, победоносным стилем. Именно поэтому проект ирригации Заволжья и есть объективная реальность.

КУЛЬТУРА ТЕННИСА

Армию советских теннисистов непереставно увеличивается.

Если бы майор Винифилда встал из гроба и поплакал на какой-нибудь всемирно-двухднейной теннисной турнир, то он и в моем случае не узнал бы изобретенной им игры, хотя правая ее нога не претерпела изменений до этого времени. Прешлый «великий» высокий мяч, излучив право на игру, отошла в область предания, уступив место сильному, несомну удару, направленному туда, где нет противника.

Мировые игры последних десятилетий не раз отрывали Америку в технике и тактике игры в теннис.

Одно время «модой» было играть голмом с задней днаши, и мяч плавно летал высоко выше площадки. Затем идеалом стала игра у сетки, и тогда мяч мяч соперника в быстроте с плуей. Чемпионы последних лет стали применять оба стиля игры и довели разнообразие ударов до высшего мастерства.

Разносторонняя игра является лучшим достижением «сверхчеловеческого» тенниса.

Она состоит из всех стандартных ударов, доведенных до совершенства: подачи как плоской, так и крученой, драйва и срезки как справа, так и слева, пологого комплекса ударов «с воздуха» и смешанной с двух сторон.

Она заключается в быстрой смене комбинаций всех этих ударов, так как постоянная игра, шарляя только длинными драйвами, уже не может считаться удовлетворительной. Игрок должен уметь варьировать направление и дальность подачи мяча.

Короткие удары в разносторонней игре имеют то же право гражданства, что и длинные. Разносторонняя игра требует овладения искусством давать мячу различную скорость для изменения быстроты его полета, так же постоянной скорости тоже уже недостаточно: необходимо изменять ее в зависимости от действий противника.

Искусство игрока немаловажно без умения подражать мячу с землей так же хорошо снизу как и сверху. Культура игры заключается также на тон-

ности и точности снм удара, а также отсюда мяча от земли.

И все-таки несмотря на предельное совершенство разносторонней игры несовершенством мирового игрока в смысле непосредственного соперничества между собой продолжают искать новые пути «сверхтехники», ошеломляющей противника.

Американец Гилдлен, Вайс, Ричардс, французам Коше, Боротра, Алкосте, англичанин Перри, австралийцы Крофорд и другие игроки мирового класса владеют в совершенстве этой разносторонней «игрой».

Советские теннисисты, стоящие перед задачей — завоевать бронзовых чемпионов, пока что значительно уступают им в технике и стиле игры. Для совершенствования наших мастеров сейчас на повестку стоит вопрос о приглашении в СССР мировых чемпионов в качестве тренеров и участников показательных соревнований.

Чему должны учиться наши игроки у сверхмастеров теннисной игры?

Чемпион Москвы Борис Новиков говорит, что игра нашего мастера с игровым международным классом была похожа на игру «об стеклу»: любой мяч дозарывается назад, словно на той стороне был не игрок, а глухая стена, от которой отскакивала любой мяч. Искусство владения ракеткой пришло к тому, что противник боялся по углам нашего перовоклассного игрока как новичка.

Точный, в большинстве пассивированный, средней силы удар, олимпийское мастерство удара справа и слева, раскладка мяча по углам, ровный шаг от начала до конца мяча — вот искусство международного игрока, которому не хватает у наших мастеров.

Другой чемпион Москвы, Николай Иванов, заявляет, что мы знаем о том, что все игроки мирового класса имеют разностороннюю игру, в совершенстве владеют ракеткой, прекрасно владеют тактикой, но, чтобы увидеть в разучить их блистательный стиль игры, надо было наблюдать не менее 2 игроков — 4 мужчины и 1 женщину. Такой состав обеспечит нам поучительные по мастерству игры: олимпийские, парные и смешанные.

Третий московский мастер, Петр Чистов, считает, что у иностранцев мы должны научиться держаться на площадке, обеспечивая следующую игру, подготовка полета мяча удара, получение себе противника.

По его словам, иностранцы, наблюдая игру наших мастеров, удивлялись нашей подаче, до того послужившая была плохой и однообразной. Нужно разнообразить подачу, чтобы изменить способ ведения мяча в игру и тот момент, когда игрок-противник начинает принимать к определенной подаче. Игрок с разнообразной подачей уже игрок разнообразным своим ударом заставляет зерничать противника.

Мы должны принять нашим теннисистам технику «разносторонней» игры, заставить их тренироваться за 1—2 месяца до сезона, бегать красками, заниматься прыжками, гимнастикой, пользоваться некоторыми элементами баскетбольной тренировки (бей с тенью и другие упражнения), владеть ракеткой, изучать удары, усваивать тактику, разнообразить методы напа-

дения и защиты, разумно подготовить себя к соревнованиям, внести главноств в тренировку, строго соблюдать режим и контролировать себя.

Наше отставание в искусстве теннисной игры частично связано с недостаточным руководством. Мастера не совершенствовали свои разученные удары и не усваивали новых. Не было планоной тренировки, школ, руковоства сверхмастера-тренера.

Наше лучшее мастерство имеет крупнейшие деректы (один не владеет ударом слева, второй плох на подаче, третий скоро устает). Даже в серьезных матчах ослабли темп, и игра превращается в трудное перекармливание мяча через сетку. У зарубежных мастеров мяч, как правило, «убивается» на 3-м—4-м ударе.

В первой игре мы еще слабее. Ленинградские пары значительно определяют всех своих соперников. Тактика нашей игры в Москве стоит на очень низком уровне.

То, что демонстрация высшего стиля игры принесет нам огромную пользу, ли у кого не выказывает сомнения. А пока что мы все еще должны являться нашим зрителем, в первую очередь теннисными мячами.

Игрок все в один толчок захватывает, то качество советского мяча ниже легкой критики.

Теннисисту необходим добротный ракетка и мячи высшего качества. В точности одинаковые по весу, правильные по форме, с предельной упругостью резиновой оболочкой, одевшиеся двумя одинаковыми сферическими половинками, олимпийской толщиной шпты по одному образцу, одним сортом ниток, имеющие олимпийский отблеск от земли, шовные и при этом в достаточном количестве.

Заряженные мячи клянутся. Мичом «1933 г.» не ставят играть в 1934 г. Мич теряет свою упругость и эластичность.

От верного удара он акает на пять сантиметров ближе, чем ему укажет воля игрока. Это всегда не годится.

У нас мячи, выпущенные с фабрик, прыгают по-разному, имеют по-разному, по-разному бывают неодинаковые, сушко — какое придется, сшиваются кое-как, являются отравительными. И в довершение всего сбавляют им каллово, достают.

Культура теннисной игры нам нужно поднимать при помощи иностранных тренеров, хороших валающей учебно-методической работой, строить мы какмастерами внутригородских и междугородских соревнований и в первую очередь качеством советского теннисного мяча.

В текущем году организована ряд теннисных школ. Школа открывались на Украине, в Ленинграде, в Москве и других городах. В школах обучаются тысячи физкультурников.

И всю эту армию нужно научить играть «по-советски», привив ей лучшие качества международного стиля.

ОБЪЯСНЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ТЕРМИНОВ.

ДРАЙВ — основной удар попадания в теннис — придает мячу вращения, дальность или изменяет его полет.

СМЭШ — удар по мячу, когда последний летит выше головы.

С ВОЗДУХА — удар по мячу, еще не коснувшись земли после перелета через сетку.

С ЗЕМЛИ — удар по мячу, отпрыгнувшему от земли.

РЕЗАННЫЙ — удар, сообщивший мячу вращения, противоположное полету.

ПЛОСКИЙ ИЛИ ПРЯМОЙ — удар, не придающий мячу вращения.

ПЛАССИРОВАННЫЙ — удар, по слабый или в неменное место.

Известные теннисисты «Динамо» Теплякова (слева) и Суричева тренируют почти каждый день!

ЕВГЕНИЙ ДОЛМАТОВСКИЙ

«...А я по-другому большой и богатый —

Вот мой звездный дом и поля,

И дом со мною нагады работы,

Вся перед нами открылась земля».

Так пишет Евгений Долматовский в стихотворении «Внуку». Поэт осознает свою принадлежность к огромной творческой семье, ударной бригаде мирового производства. Его переживает гордость за свою страну. Этими мотивами пронизано все творчество Долматовского. Но следует тут же подчеркнуть, что Долматовский не столько изображает действительность, сколько выражает свое отношение к ней. Средства эмоционального выражения преобладают у него над средствами художественного изображения.

«Твой разалатые зловонья

И бронзовых щек здоровья

Улышек на тысячу лиц

Наверное, могут удивиться

Твои голубые петушки,

Глаза — голубые петушки».

Идет он о комсомольцах, люботе дрынкабал («Бодяга» серебряных дрынкабал), однако «узнать из тысячи лиц» не так раз трудно: индивидуальные черты не даны.

Глава намечена как образ и Тоня Куликова.

«И должно хватить сплюхойский дик

Визжать в новых, незнакомых днях

И то, что грехи не всегда красивы

И что сивая заспанна — сонная».

«(Она Куликова)».

Настроение же, связанное с этим образом, настроение задушевности, легкой грусти, ощущение некоего простора страны и предостережения на них работы передано хорошо:

«Опоек в густом тумане тонет,

дуть ветер в равные края,

до свиданья, до свиданья, Тоня,

исонна заветная моя!»

Бодорство Долматовского прорывается в самых неожиданных местах как непривычная улыбка на лице жизнеутраченного человека.

«Мне хорошо», — говорит часто поэт, не давая логической подоплеку (что отнюдь не исключает образности) мотивировки этого утверждения. Связанная с поверхностным восприятием действительности, некоторая бездумность, легкость являются характерными чертами мотива произведений Долматовского.

Мало бы все же неправильно обвинять поэта в односторонности, в «барабанности». В его стихах звучат часто и другие мотивы. Грустные настроения вымываются отблесками маятника личного и общественного. Тут загляднившие друзья по всем коллективам расходятся по разным участкам фронта:

«Мы камады друг другу, чтобы

Идем тропи дурноты до тробы,

Мы бродим вместе, в боды,

За верст посылал Колку,

За пять верст посылал Младо».

«(Гроз)

Визжит и так, что общественные обязанности комсомоластупают в конфликт с его личными делами». Нужно идти на судобатаки».

«А мы условались ровно в воскресенье»

«(Картышка)»

Есть и более сложные случаи: человек горел на работе, его ставя его личным, мировым делом, а его переформатировал на другой часткой:

«Пролодил маячье гроза

Над сланами весельем шира,

И, вытвиря яша, Шапиро.

Ист говорит: «Вора

(И шаркает маячье),

Дай руку, товарищ шороб,

Дай руку. И до свиданья!»

«(Пророб уожжет)»

Эти конфликты вполне законны, но коллектив, подталкивая себя личностно, не поддается, а поднимает, но себя. И Долматовский все противоречия между личностно и коллективно разрешает в пользу последнего, но в сторону механического подвешивания личности коллективному, а в сторону добровольного и радостного подвешивания личности коллективу. Этим же коренным образом отличается от индивидуалистов, провозглашающих «право на отдых», «право на любовь», вообще «право на личную жизнь» и впадающих в пессимизм по

счастью мимого ущемления этих прав коллективом. Лирическая грусть Молчанова периода 1942—1947 гг. была углубленной, по своему содержанию содержала меланхолическую, переживаемую с essential. Лирическая грусть Долматовского не перерастает в радость, она — изалярики борьбы за счастье личности с коллективом.

Какая же путаница происходит это слышит? Здесь одно из узких мест в творческом методе Долматовского. Мы уже указывали, что Долматовский — поэт, больше чувствующий, чем думающий. Основными его путями творчества он разрешает интуитивно, «чутьем». Как, например, разрешается конфликт между двумя друзьями, полюбившими одну и ту же девушку? Конечно, не дракой, но и не честным, открытым объяснением. Проще оба друга «нутром» чувствуют, как им следует поступить:

«Мы даем друг другу пять

И раскладываем карты»

«(Гроз)

И все-таки:

«С тех пор мы с ним не дружим,

и меня оида гложет —

что ему приснится может,

да, наверное, девочка

и, наверное, Бодлонка».

В том и заключается слабость ситуации, что она разрешает проблему внешне, ориентировочно, и в драгических выводе строк для пример такого интуитивного, чернотого, неадекватного решения. Иногда же Долматовскому не помогает и интуиция, он заменяет предрешение противоречия проблем его обходом:

«Поска! Да с каких это пор?

Смотрю! Юд вороним трава

между нами ириват

и, радостно полни абор»

«(Картышка серебряных дрынкабал)»

Тут аргументация очень слаба. Как же меланхолически разрешается конфликт в стихотворении «Гроз»:

«И пришел к заворототелу,

и, чужа, «а вое дело —

и, чужа, разалат, душевный,

и, чужа, и разалат, пошлый».

И заворот роту мелочью:

гапмала командирова».

Спасою для излечения душевного разлада очень удобными, но не всегда применимыми и не всегда действенными средствами, являются разрыв тех случаев, когда разлад — пустяковый, и, действительно, «чуждые отури» долматовского — дано не буря, а рывок в ставке воды. Оно и понятно, основное противоречие в стихах современного советского человека это, конечно, не юношеские любовные трагедии и не тоска разлученных друзей. Это мучащая в сознании борьба с пережитками капитализма, борьба за уничтожение чрезвычайно циничных и лживых корней прошлого. Вот это-то основное противоречие Долматовский почти не касается, а когда касается, то недоисчерпывает его остроты и актуальности. В стихотворении «Чужа» можно заметить мелочное сближение противоречия является несомненно коллективное бодрство члена социалистического общества:

«Дадуша, дадушка Младо, что ты горю,

Мой бедный, мой маляк, мой страшный

дел.

Младо, что не слышишь, как хлопает ливень,

Как итвиря, влетает из заветных руд

Младо, что не знаешь, какой счастливый,

Какого бодрства достал твой внук».

В этом стихотворении нет борьбы, нет предостережения истинности собственности в современном человеке, «Внуку» это отходная по умершему мелочному существу, и это стремление и бодрство. Не слышим мы рано неть такие отходные, когда борьба против пережитков капитализма в сознании людей поставлена в порядок дня?

Этот обход, однако, не основан противоречиями. Истинно успех у Долматовского не случается. Уменьшенная классовая борьба, гитавское столкновение противоречий нашей эпохи почти выпадают из поля зрения поэта. В этом Долматовский отстает от Гусева, Сахарова и Смелкова. Хотя и в их критике справедливо упрекала в ребячьем оптимизме, хотя талантливый пародист Сергей Шенцов очень метко высмеял преискусную историю восторженности Сидорова:

Евгений Долматовский.

«Редка растет,
Клуста растет,
И выходы твои растут...
Вот это знаешь,
Вот это да,
Вот это и понимаю!»

но у этих поэтов имеются серьезные попятки покаа сложных противоречий нашей эпохи («Илия» Гусева, «Страх» и другие стихотворения Смелкова). У долматовского ребячий оптимизм вырывается в еще более сильной степени, чем у его старших товарищей. Это объясняется тем, что живя «ка огромном мире», он живет одновременно «на одной квартире», да из окоя этой квартиры, аселенной таким же восторженными юношами, как и он, наша действительность видна в романной форме, скрывающейся еще не внятные крепости, небурные кучи мусора, несуществующие ослеплые трисины. Чтобы сохранить за собой звание комсомольского поэта, Долматовский должен был бы на основе творческой манеры анализировать советской литературе и превратить свой ребячий оптимизм в музетейный оптимизм русского бойца.

Итак, содержание поэтической «пропаганды» Долматовского пока еще недостаточно, но сила его ограничена большой искренностью, задушевностью и юношеской свежестю. Мы не найдем у него ни необычайных размеров, ни замалчивающихся новизны и неопытности лири, ни богатства выразительности. Достоинство его стихов — в ясности ритма, в подборе сухих и точных выразительных, создающих поэзию, эмоционально окрашенные образы:

«Спокойный начальных тревожного штаба

Едет на «Форде» домой»

«(Детство)»

Одним простим сопоставлением создается образ треводы, хладнокровного, уверенного в себе начальника подполтада.

«И слышно —

В ветреный протрещенном мире

Звонит шлюперов труба»

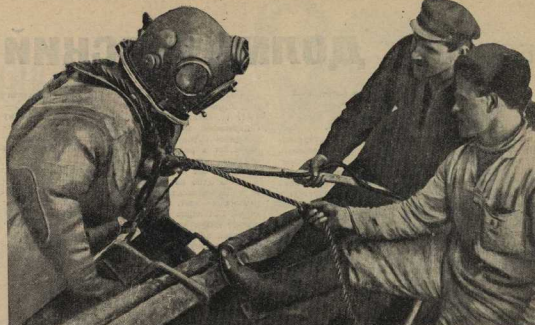
«(Детство)»

Сочетания двух удачно подобранных слов оказывается достаточно, чтобы передать прозрачно словесные выходы, насыщенного свежестю и бодростю.

В этой простоте и эмоциональной насыщенности своеобразна стихов Долматовского. Конечно, в них много ученического, много небрежности и неумелости. Долматовский не всегда обладает чувством меры и часто развивает свои стихи влинявшими строками.

Долматовский — интересный комсомольский поэт, еще болюющий болезнями творческого роста, поэт, от которого мы вправе ожидать и требовать многого.

„ЖАБРОВЫЕ

В скафандре он похож на марсианина.

Р Е Б Я Т А

Далеко в море уходят стальные тросы. Они похожи на вожжи, взвизываящие море. И море поддалось как облезший конь.

Для буфера, пакля и отдуваясь, тащил ржавый искалеченный пародок.

Они надвинули работан и маневрировали, чтобы притянуть судно к берегу. Ветер завалил корму шлюп, болый вентиль бурчал под винтами и дымом в стороны расходился по холодной воде белооат-зелеными разводами. Ветер уперствовал, но был побежден: стальными тросами и причальными пучками был приручен пародок. Облегченно опфаривавшись, ушли ватера. Доказанные собой, они смачно распускали по воде алавашии хвосты.

Команды всех ремонтировавшихся судов виспадили галдеть на небывалого пришельца...

Никто не знал его названия.

Лишь старик Брагин, боцман, сорок чет покартавшего по буртам мира, сказал непонятные слова:

— Это, доискались, жабровые ребята. А за кивки! Давненько вы того...

Освещен сумерки лавандовыми сразу. Морщины ушли и кубики. Глазко на странном пародке возвылся алави. Они обманывали вероюмом и смелости, чтобы уберечь их от дальнейшего разрушения.

Воледа Кудрявцев за свой недолгий комсомолецкий век побывал в «инспективностаминистиче» обществе. Кивки и апостола, королева и шипучие бобы, фавориты и прелестные богородицы неотсмысленно вошли в его жизнь.

Однако кивки не заравали его спесью, апостола но вернула в «ладо» болонно и королам не прибавляла его по джору.

Работая с ними, он повышал квалификацию, учился героизму, помогал пролетарской стране. Он попрежнему остался комсомолецким, удальчивым смельчаком, марлоном-сферическим, подальшим старинной одесской краснознаменной партии ЭПРОН.

Пародок «Меркурий» шел очередным рейсом на Николаева в Одессу. В освещенной автотомиилини пошла подвижная поездка. Пассажиры толпились вокруг белых кассет. Штантаны пенда тонула.

— Мужчины, держите вилы эсы.

На вас теперь огромный спрос.

Троекм были тупо набиты обумудриваюми: бешутами и бескомарими. Это вели одессу для отца Володи Кудрявцева и его сестрички. Вместо истоптанных и сожженных полей Европы возникли минные поля. Явора как юрки крепко держали

дела кругаме, смертельные плоды. Это был 1915 год.

«Меркурий» выткнулся за мину. В 4-метровую пробовую залыла вода. Затрещали переборки. Пеница завалила в истерике.

«Меркурий» затонул на 26-метровой глубине. В кавотх гландиски узорчатые и фасматичные мелуны: Бичини и камбаля шиптели в пробовую, «Меркурий» погрузился в нл.

В 1931 г. организация со звуным именем ЭПРОН — экспедиция подводных работ особого назначения — послала Волода Кудрявцева с товарищами на место гибели «Меркурия». Добытки «кало» скали по морю на двух катерах. Катера шли на больном расстоянии друг от друга. Между ними протянут был трос. К середине троса привораме кошка — четырехкрюкий якорь. Кошка шпарт по дну. Сталивыми потугами она продуцирует подводный рельеф и делается за шероховатости. Но скала — это тоже шероховатости. Для этого изобретается электроманит. По отклонению стрелки вверху можно определить впадине истела.

Так механизирован был поиск кладов. Так найдены были «Меркурий» и десятки других судов.

И штатки ЭПРОН висит карта Черного моря. Базкарская карта представляет все стены синими: от бледноорубого до ультрамаринного. Равнина краснеет — равнина глубины. Карта эта — графический учет бурь и ошибок капитанов. Крутизна указывает место гибели судов. Тут же надписаны полярности: называние, тоннаж, год и причина гибели. Есть и безымянные суда. Лежит пародок на дне, а чей он и когда потонул, неизвестно. Каждый год ЭПРОН перечерчивает все новые и новые кружки.

Героически ушла Волода Кудрявцева и его товарищи подымая потонувшие пародокы. В них снова начинает биться машинное сердце.

Мы едем с жабровыми ребятами — перечерчивает еще один аржур на штатной карте. Нил кружка «Меркурий».

Стоит октябрь, но солнце одесского «бабьего лета» палает как в июне.

Вся водолазная партия на палубе.

Комсомолецкий народ собрался вокруг Миши Голутина, бакуста и шипучики, нутовогомо раскаркация весельих историй.

— Ну, а дальше?

— Дальше говорю ему: «Как смеее с меня столько лупить? Знаете, говорю, кто я? Я военпоблаженный Голутин — подводный воледа».

А он мне в отат: «Ничего, говорит, не можее сделать; у вас рола болонья». Агу и что с того? — спрашиваю. «А у вас, смелщина, мм с квадратного сантиметра берем». Так мм с ней разошлись.

— С кем с ней? — недоумевают ребята.

— Ясно с кем — с бритвой. Нужно поудать, а то на парикмахера обанкрусуе.

Ребята захохот. Влезало Волода Кудрявцев говорит:

— Сегодня будем топить тонну. Пойдет Ловозский Галин, Леня, не подкачай...

Мы ушли далеко в открытое море. Вода здесь калется мамлистеи и гуще. Вот и оловозавтецкий бут. Тут, под зеленой толщей, лежит «Меркурий».

Водолазы гигантскими брашпирными промяли под корпусом пародок тинуши. Вода была под давлением четкых атмосфер. Нанор воды сорвала с корпуса и онака шовурт него 8 тыс. алам турботового нароста. В тинуши промяли стальные по лоси — «шлотенца». Двенадцатитонновыми магнитообраыми скабами и тросами «застротили», приврести потонны и полотенцы. Потонны алутт адало корпусу. Они желанными вуамерами обелет воды. Компрессоры нагнетут в вил воду. Водух прогонит воду. Гигантская сила плаомучести заметит потонн наверх, и вместе с ними всплывает пародок.

Когда Рудик в первый раз увидел море, он сразу полюбил его. Ему понравилось все: тишина Балмаваловой бухты, горняные крива чаев, солнечные косы «зайчино» на воде.

Точно солнце и море до блеска затерли горло, набережую и окружающие скалы и адали водолажной паломы.

Теперь, когда Рудик уже водолажный инструктор, специалист и ударили, он говорит:

— Как это там в песню поется: «Мм с тобой родные братья!» — кто сочинял про меня и про море инаше.

Над рекой, по кручам и увалам оползней, пас Рудик помечтате стааль...

Он лежит над обрывом в кургугой латаной рубашке, обожженный как горшок гончара. Рубашка бродит морями.

Ломать хлеба, пара кусков диня да сытное молоко вечером — вот и вся несветлая и несветлая пенда за зелье.

Потом Дюбасе. Он работает последовательного конюшником, забойщиком, крепыльщиком, мастером пути, машинистом на арбузовой. И, наконец, Красная армия, водолазная школа, ЭПРОН, Пириния, фрундаж вода оказалась взаимное податливой. О она умела заявить о себе, о своей стропитности.

Неоднократно ставила она Рудика и его товарищей лицом к лицу со смертью. Но он победил.

Комсомолец Илоша Баратков, Кудрявцев, Ильян одевают Лозовского.

— Володая — ты же барышня, — говорит Баратков, — ободь лучше одеть.

А «барышня» в бескомпромисс упирается. Ее наряжают в ватную толстовку и штаны. Две пары шерстяных носков и ботиночные меховые — на ноги. Бескомпромисс снимается вызванным колом, и прощательный гуаке Володая готов.

Потом здоровенные «кметристы» удерживают володая в резиновой рубашу. Тучище, ноги и рукава этой рубашки — одно целое. На грудь как ридерская кирка одевается мидья зивина. К мидье привлачиваются свинцовые тружаны. Без груза володая не опустится, раздутым плавсом плавать ему на поверхности. В дополнение к грузам на ноги идут володаине «тапочки». У них медная подошва и свинцовые подолом. В каждой «тапочке» много свинца. Но володая тяжело толкает явэрку.

Лозовский стоит на трамке. К ногам его летит море.

«Русалочка чернотлава,

Принимай я володая.

Да, да...»

поют ребята, привинченная сфандар к маншес. При проводке «сухого» подводника петь стало традицией. Это для бодрости духа.

В сфандаре володая похож на марсианина из умальских утеший — этою чудовище с огромными стократными зубами иллюминатор заперт. Героя Лозовский выкинул от внешнего мира в скорлупу из меди и резины. С этого момента жизнь володая — в руках у старинных и дежурного. Лезть володая — это сигнальный канат и шланг, тянущийся длиной сотни от матушки сфандара.

В резинову кошу шланга влетела черная темена твэрного провода.

— Дать воздух, — командует Рудик.

Рубака на Лозовского сразу раскраснел. Он открывал от трына и проваливался вглубь. Над ним смыкается вода. Хрустальными полушариями всплывает лишней воздух. Лозовский плавно идет на дно. Его спуск похож на замедленную кино-съемку, на парение пологого олушачика-парашюта.

В яркое окошко иллюминатора Лозовский видит чуть ли не самое фантастическое из того, что давно увидит человек. Мир, рассматриваемый сквозь буталочное стекло, зеленого лапоплавает лозовский. Так же обступает человека зеленый сумрак. Пузыри воздуха, торчком улетают вверх, словно вырваны из стеклянной массы Лозовскому телу, воздух пригнущен тихо. Воддушная подушка обволакивает тело и не допускает от наружного холода. В шланге чуть шипит трамный воздух.

Наряжают...

Но покой этот мимолет. Враздежная стаяка готова каждую секунду ринуться на Лозовского всей силой яростно.

Зеленый гир перед глазами Лозовского постепенно темнеет и становится черным.

Лозовский на дне. Лоский дайвер опустился ил... Едва уловимо, как в аквариуме, всплывают водоросли. В иллюминатор плативо заглядывает рыбашка и удрает в темноту. Обертания «Меркурия» мутны и расплывчаты.

— Ах, ты на гурты, — слышит он знакомый голос Кудрявцева. Тот по манометру знает все о поведении володая. На манометре 2½ атмосферы, каждые 10 метров глубины — 1 атмосфера. Завет, Лозовский на дне.

— Найди подкашанный конец у среднего потолка, — продолжает Кудрявцев.

Жизнь володая — это сигнальный канат и шланг.

Отв. редактор В. ВЕЛЬМИН

Отв. секретарь Я. ЧЕРНЯК

Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) «Правда»

Сая и номер 29/IV—31 г., подписка и цена 7 IV—31 г.

1½ бум. листа. Изд. № 580

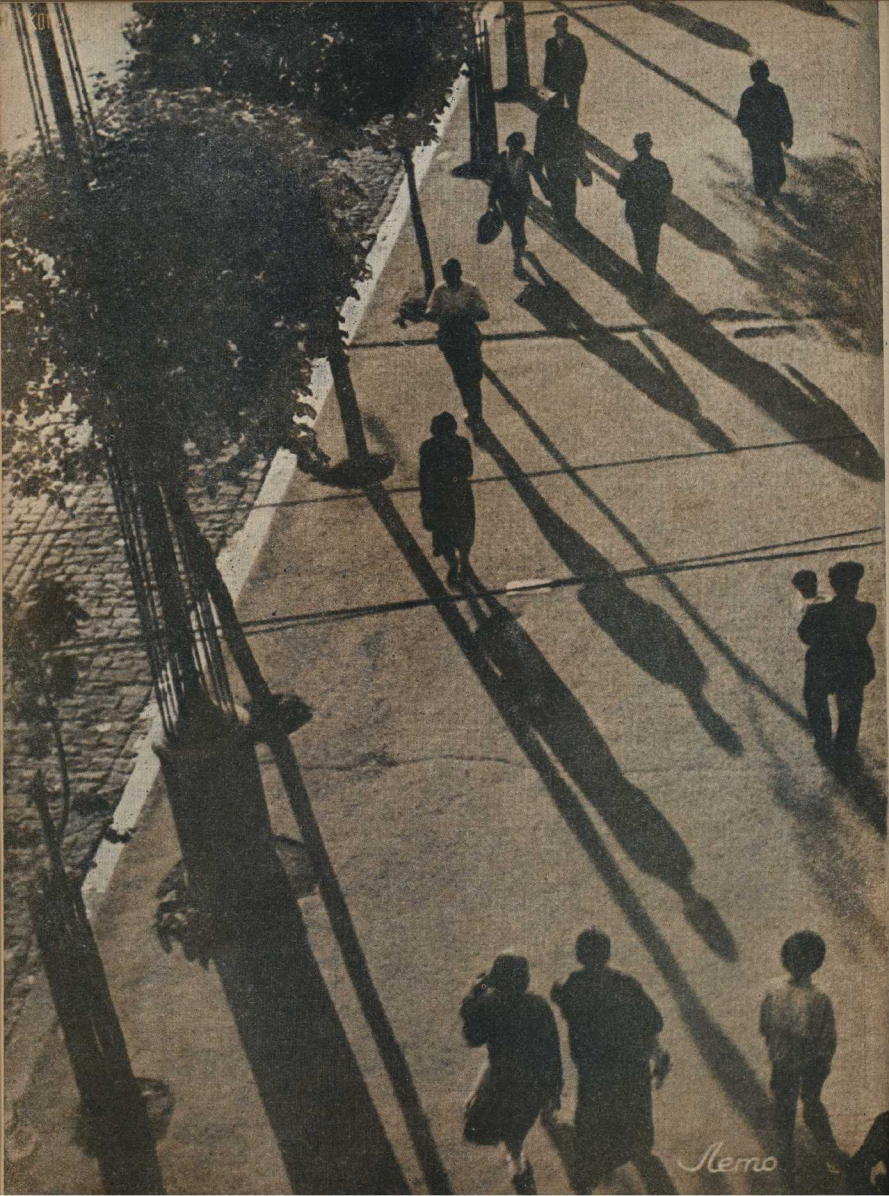
Формат 4, 2 7/8 X 10 1/2 16948 в. л. в бум. л.

Уполномоченный Главлит № В-94192

Типография газеты «Правда», Москва, ул. Горького, д. 48.

Заказ № 1199

Тираж 35 000 экз.

Memo